

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

РАЙ САТАНЫ

ВИКТОР ТОЧИНОВ

Анклавы

Виктор Точинов

Рай Сатаны

«Точинов Виктор»

«Панов Вадим»

2013

Точинов В. П.

Рай Сатаны / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», «Панов Вадим», 2013 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-62235-1

Знаменитый цикл Вадима Панова «Анклавы» продолжается! Катаклизм, вызванный запуском Станции «Наукома», поставил человечество на грань выживания. Многое на Земле необратимо изменилось. Одним из самых загадочных мест стал Таймыр. В черном тумане, окутавшем его, обитали гигантские трехглазые монстры. И с одним из них довелось столкнуться сержанту Багирову. Дальше – больше... Мифическая Страна Мертвых оказалась пугающей реальностью. Откуда Багирову было знать, что «мистический» туман лишь идеальное прикрытие для спецслужб, которые во что бы то ни стало стремятся заполучить в свои руки психотронное оружие невиданной мощи...

ISBN 978-5-699-62235-1

© Точинов В. П., 2013
© Точинов Виктор, 2013
© Панов Вадим, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
1. Вышел ежик из тумана	6
2. Как становятся психами	9
3. ...Вынул ножик из кармана	13
4. Как становятся психами – 2	16
5. След человека	20
6. Последняя ночь	24
7. Незнамо где, неведомо когда	28
8. Тревога четвертой степени	32
9. Как браконьерствуют в тундре	35
Часть вторая	41
1. Чудеса туземной медицины	41
2. Неназначенные встречи	45
3. Если гадаешь по костям, пусть это будут кости врагов	49
4. Яволь, герр экселенц!	55
5. Стоит в тундре теремок, он ни низок, ни высок	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виктор Точинов

Рай Сатаны

*Александру Лидину – писателю, переводчику, редактору,
художнику и просто хорошему человеку – с благодарностью за помощь
в создании этой книги*

Пролог

Он двигался осторожно и медленно, миллиметр за миллиметром приближаясь к добыче. Безошибочный инстинкт охотника всегда подсказывал ему тот миг, когда осторожное приближение должно смениться стремительным броском, короткой схваткой и заслуженной победой. И этот миг близился.

Добыча – молодая казарка, уже почти сравнявшаяся размерами с родителями – не замечала нависшей угрозы, песец подкрадывался абсолютно бесшумно и с наветренной стороны. Возможно, казарка первый раз в жизни удалилась так далеко от родного выводка, влекомая отчасти голодом, отчасти свойственной юности жадной познания мира...

В первый раз – и в последний. Сейчас она умрет, чтобы жил другой, – извечный круговорот жизни и смерти в природе. Всё как всегда, все в полном соответствии с заведенным испокон веков порядком вещей.

На самом деле заведенный в мире порядок вещей рушился... Рассыпался стремительно и неудержимо. Мировая экономика агонизировала под атаками тритонов. Небывалый всплеск преступности перерос в самую настоящую войну, полыхающую на улицах городов. По Анклавам катилась волна погромов, люди убивали проклятых мутаборских колдунов... Мало кто понимал, что происходит. Никто не знал, что делать и как выживать в распадающемся на части мире. Над планетой навис призрак большой войны, – реальный, осязаемый. Стянутые в Баренцево море флоты великих держав были готовы к удару – пальцы замерли у красных кнопок.

Ни песец, ни казарка этого не знали. Здесь, в таймырской тундре, все шло так же, как тысячи лет назад... И казалось неизменным и вечным.

Песец рванулся вперед. Рассчитанным до микронов движением.

По странному совпадению именно в этот момент за тысячи километров – в Баренцевом море, на борту авианосца «Зенг Хе» – адмирал Бодуань отдал давно ожидаемую команду: – Атакуем!

Пасть сомкнулась на птичьей шее. Крылья хлопали бешено и впустую. По клыкам песка потекла вкусная горячая кровь.

Палубные истребители с ревом взмывали в воздух. Тяжелые десантные вертолеты ложились на боевой курс. Ракеты на пусковых отсчитывали последние секунды перед стартом.

...Песец дремал, наевшийся и отяжелевший, когда до его маленького уютного мира добралась судорога, корежившая мир большой. Тундра содрогнулась, сбросив песка с моховой кочки. Небо вспыхнуло полярным сиянием, неуместным днем и в это время года. Сверху послышался звук – оглушительный, грохочущий и ревуший одновременно. Звук становился все сильнее, но его источник песец уже не увидел – прижав уши, зверек стремительно несясь по тундре: скорее, скорее, унести лапы из страшного и опасного места...

Что безопасных мест в мире не осталось, песец не знал.

Часть первая

Чужак в чужом краю

1. Вышел ежик из тумана

В туман чудовищные звери не сунулись. Не нравился им туман чем-то... Судя по звукам, топтались на самом краю клубящегося желтовато-серого марева, но в глубину не полезли.

Сержанту Багирову по прозвищу Баг туман нравился ничуть не больше, но у него выбора не было. Надо выбираться из хреноватых здешних мест – туда, где светит солнце и живут люди. А вход в странные, нелюдские места лежал как раз в таком вот тумане. Значит, и выход неподалеку, хочется надеяться...

Позади раздался не то рев, не то рык – знакомый голосок, так же надрывалась тварь, схлопотавшая от сержанта гранату из подствольника. А может быть, та самая, отлежалась и встала, – хрен знает, как местные зверюги переносят попадание кумулятивного заряда, может, он им не страшней, чем слону дробина. Раньше Баг посмеялся бы над таким предположением: направленный взрыв есть направленный взрыв, ему все равно, что разносить, титанопласт или плоть чудища, не описанного в учебниках по зоологии. Теперь сержант смеяться бы не стал. Нагляделся, навидался всякого за последнюю неделю – примерно неделю, поди пойми, сколько времени прошло, если таймер и все прочие приборы не работают, солнце не всходит и не заходит и даже аппетит куда-то испарился. Судя по количеству ночевок, получалась именно неделя, но внутренние биологические часы человека нередко дают сбой, если нет никаких внешних примет течения времени...

Крестник сержанта (или сородич крестника, если все-таки не терять веру в кумулятивные гранаты) подал голос еще раз. За время паузы Баг успел пробежать всего-то пару сотен шагов. Но рев теперь прозвучал тише, звуки гасли в клубящейся дымке очень быстро. Багиров порадовался: значит, и впрямь твари раздумали продолжать погоню.

– Не нравится туман-то, а, хрен многогогий?! – крикнул сержант через плечо, переходя с бега на шаг.

Чудище и впрямь страдало переизбытком рогов, причем росли они не из головы, как бывает у всякого порядочного рогоносца, а торчали отовсюду и во все стороны – штук семь, или девять, некогда разглядывать и подсчитывать, когда на тебя танком прет этакое создание.

Многогогий хрен не отозвался, и Багиров ответил себе сам:

– Не нравится, рогатенький, не нравится...

Он никогда раньше не имел привычки разговаривать сам с собой. За последнюю неделю приобрел.

Сержант остановился, попытался сориентироваться. В своей способности бежать по прямой в отсутствие видимых ориентиров он не сомневался – круг в тумане не заложит, на рога своего знакомя не выскочит. Но и в тумане задерживаться не хотелось. Мерзкое место... Багиров стянул перчатку, осторожно провел рукой по бронику. Влажный... Только влага эта на ощупь словно бы и не вода вовсе, а нечто противное, маслянистое...

Он бросил взгляд на компас – на самый обычный, магнитный, украшавший правое запястье. Баг с оглядкой доверял электронике вообще и электронным средствам навигации в частности. Доверял, но с оглядкой. И не расставался с магнитным компасом и механическими часами.

Компас заработал. Неправильно заработал и странно, но Багиров обрадовался. Всю минувшую неделю крохотная магнитная стрелка болталась на шпильке безвольно и беспо-

лезно, меняя свое положение только от резкого движения руки: нет здесь, дескать, никаких линий магнитного поля, и магнитных полюсов тоже нет. Теперь же она вращалась быстро-быстро, словно страдала манией величия и вообразила себя вентилятором.

Сержант сделал несколько шагов – вращение замедлилось, затем прекратилось, стрелка замерла, покачиваясь. И вновь начала вращаться, все быстрее и быстрее, но теперь в обратную сторону. Баг удовлетворенно кивнул. Именно так чудил компас, когда сержант в первый раз оказался в тумане. Выход рядом...

Багиров стянул левую перчатку, догадываясь, что сейчас увидит. Так и есть: часы вновь тикали, секундная стрелка двигалась. Половина восьмого – все сходится, около семи вечера сержант спустился в затянутую туманом лошину, идя по следу рядового Наруты и тех, кто шел с ним... По уму, конечно же, едва лишь вырубилась вся электроника и компас начал свои проделки, надо было поворачивать обратно. Но...

Но десант своих не бросает. Нигде и никогда, ни живых, ни мертвых. Тем более что рядовой Нарута не просто ушел – его увели, наверняка захватила какая-то уходившая с поля боя банда сепов. А в плену у мятежников федералы жили недолго и умирали мучительно.

И вот как хреновато все обернулось: и рядового не спас, и сам заплутал в каких-то шайтаном сотворенных местах...

Однако надо выбирать. Он осмотрелся, насколько позволяла здешняя видимость – а она позволяла что-либо разглядеть метрах в десяти, никак не далее. Неподалеку громоздилась пара огромных валунов, в другой стороне смутно маячили полугнилые деревца – и ощущение возникло такое, что погибли эти елочки давным-давно, да только все никак не могут догнать и упасть. Мох под ногами, кстати, был такой же – на вид неживой, но явно нежелающий сгнить и дать место новой растительности...

Ничего обнадеживающего визуальная разведка не принесла. Валунов таких сержант на пути сюда точно не видел. Елочки попадались точно такие, недогнившие, – да поди различи одну от другой.

И он пошагал по направлению к тем самым большим валунам – казалось, что местность в ту сторону слегка повышалась. Но, может, так лишь казалось, и лежали каменюги на какой-то небольшой возвышенности. Однако проверить ощущение надо, ну а дальше видно будет...

Двадцать шагов, тридцать, сорок... Багиров обернулся – были валуны и не стало, съедены влажной дымкой... Туман, один туман. Хоть бы ветер подул, снес в сторону поганое марево. Но ветер, похоже, здесь не дул никогда.

Поверхность мертвой лесотундры явно продолжала повышаться и теперь. Не круто, едва заметно, но повышалась.

Багиров закинул автомат на плечо – так, что сдернуть и полоснуть очередью можно за полсекунды – и зашагал вперед гораздо веселее, прибавив шаг.

Даже насвистывать под нос начал:

Прощайте, красотки,
Прощай, небосвод,
Подводная лодка
Уходит под лед...

И тут же поймал себя на мысли, что и в самом деле он в этом тумане словно на дне морском и бредет по чуть повышающемуся дну к берегу. Только вода, затопившая и сгубившая лесотундру, не такая густая, как ей полагается – дышать с грехом пополам можно...

Едва он примерил это сравнение, едва попробовал развить его: с морского дна вообще-то проще всплыть, чем ковылять к берегу, и будь у него, сержанта Багирова, реактивный ранцевый «прыгунок»... – как вылетел из тумана, словно пробка из бутылки шампанского.

Вылетел – и замер, опешил. Дул ветер, сметая, отгоняя в сторону клочья серой мерзости. Светило закатное солнце – прямо в глаза. Солнце, шайтан вас раздери, солнце!

Радовался он недолго. Еще ничто не закончилось... Задачи, подкидываемые жизнью, Багиров привык решать в строгой последовательности, не ломая голову раньше времени.

Задача номер один выполнена – из гиблых мест он выбрался. Но тут же во весь рост встает задача номер два – попасть к своим. И как можно быстрее. Поскольку после недельного отсутствия он наверняка уже числится в дезертирах, и на все блокпосты разосланы ориентировки на Багирова Абдуллу Федоровича (известного также под прозвищами Баг и Биг Баг), двадцати девяти лет от роду, русского, мусульманина, бывшего сержанта и бывшего и. о. командира первого взвода роты «Гамма-7» третьей дивизии особого назначения ОКР... Разыскиваемый вооружен, отлично владеет приемами рукопашного боя и способен при задержании оказать ожесточенное сопротивление.

А служба на блокпостах нервная. Баг и сам, случись ему нести там дежурство, сначала выпустил бы очередь по ногам вооруженного дезертира с таким послужным списком. А уж потом вступил бы в разговоры... Баг подстрелить себя не позволит, но затевать перестрелку со своими – последнее дело, тут уж точно от трибунала не отмажешься.

Так что срочно в часть и доложить: выполнял задание командира, и объяснить, отчего выполнение затянулось... Усомнившихся можно сводить к туманной ложине, пусть сунутся туда, убедятся.

Задача была ясна. Методы ее решения – не очень. Потому что вышел из тумана Багиров совсем не там, где в него вошел. Причем «не там» – это мягко сказано.

Не громоздились в отдалении над лесотундрой руины «консерватории», но это полбеды – и самой лесотундры вокруг не наблюдалось. Ровная как стол, местами заболоченная равнина, поросшая низеньким, не достигающим колена кустарником, – елочки, росшие под Печорой, показались бы на фоне здешней растительности лесными исполинами, хотя и сами ростом не могли похвастать, метра три-четыре, не выше.

Далеко ж его занесло за неделю блужданий... Но возвращаться все равно надо.

В первую очередь сержант взялся за компас, освободил стрелку. Та лишь для порядка дернулась туда-сюда и уверенно нацелилась на норд. Ну, не совсем на норд, магнитное склонение в этих широтах довольно сильное... Но река Печора в любом случае во-он в той стороне и промахнуться мимо нее никак не возможно. Хотя шагать хрен знает сколько, и лучше бы для начала попробовать вызвать помощь.

Он попробовал – аппаратура не ожила, молчала мертво. Не работало ни одно из устройств, имевшихся внутри шлема. «Балалайка» безмолвствовала и даже не светился на ней индикатор. Электронная аптечка не подавала признаков жизни. Лазерный прицел-дальномер «абакана» помогать в прицеливании не желал, так же, равно как в измерении расстояний. Короче, всё, что имелось у Бага и работало на электричестве – работать по-прежнему не желало.

Возможно, нахождение в гиблых местах напрочь испортило всю электронику. Но Баг склонялся к другой мысли: отчего-то и почему-то там мгновенно разрядились все батареи. Потому что в фонаре электроники никакой нет, но ведь тоже не светит...

Стоять на месте и вздыхать по не включавшимся приборам никакого смысла не было. И сержант Абдулла Багиров пошагал в ту сторону, где по его прикидкам катила свои воды Печора. Даже если несколько десятков километров топтать придется – дойдет, не маленький. Тем более что НЗ сохранился почти полностью, голод в гиблых местах не донимал абсолютно, – и сержант, человек бережливый, решил приберечь запас.

...Он шагал и шагал, понятия не имея, как сильно ошибается: река Печора находилась совсем в другой стороне. И расстояние до нее измерялось отнюдь не десятками километров.

2. Как становятся психами

Вновь я был там, на проклятом острове. На Острове Мертвых. И мертвецы были там же, куда ж без них... Одни лежали чинно и благородно в своих криосаркофагах, дожидаясь не то Страшного Суда, не то небывалого прорыва в медицине, позволяющего оживлять замороженные трупы. Другие, ставшие мертвыми совсем недавно, выглядели не столь благопристойно – кто-то скорчился в луже собственной крови, кто-то мало уже походил на человека, изуродованный попаданием нескольких разрывных пуль, а кое-кто – те, кто подвернулся под залп реактивных снарядов – вообще представляли взору в виде разрозненных фрагментов, и положительных эмоций это зрелище отнюдь не добавляло.

Я шел посреди царства мертвых, даже не шел, а бесплотно парил, не касаясь ногами грешной земли – вернее, грешного льда, и грешного снега, и грешных металлопластиковых плит, и... в общем, ничего не касаясь. Парил одиноко и уныло, словно ангел-растяпа, посланный Господом воскресить всю эту компанию, да позабывший по рассеянности воскрешающие слова...

А потом мертвые ожили. Сами, без моего участия.

Криокамеры раскачивались, содрогались от толчков изнутри. Их прозрачные колпаки покрывались трещинами, затем начали разлетаться. Мертвые лезли наружу.

Другие мертвецы, свежие, тоже не остались в стороне. Поднимались и шли – кому было на чем идти. Лишившиеся ног – ползли, и даже разрозненные фрагменты пришли в движение.

Стремилась все восставшие мертвяки в одну сторону, вернее, все в одну точку пространства.

Прямиком ко мне, к Руслану Дашкевичу. Шагали, ковыляли, ползли – ко мне. И даже куски тел, хоть и подергивались на вид хаотично, стремились сюда же, медленно приближаясь...

А я, как на грех, полностью утерять именно в этот момент свою бесплотность. И способность к парению тоже... До чего же не вовремя.

Мертвые руки со скрюченными пальцами... Оскаленные мертвые рты... Мертвое не пойми что, остающееся после взрыва ОВС... Тянулись, тянулись ко мне, чтобы утащить в свою страну мертвых: ты наш, ты тоже труп, и не воображай себя живым...

Но Мангуста голыми руками не возьмешь, даже мертвыми. И голыми мертвыми зубами не сожрешь. И началась панихида с танцами: я стрелял из автомата, я швырнул две гранаты, затем палил с двух рук из «дыроделов» – уже в упор, уже по вплотную подступившей мертвячьей толпе.

Потом они навалились, сбили с ног, вырвать чеку из последней гранаты я уже не успел. Они разрывали меня на куски и это было очень больно. Затем я умер, зная, что навсегда, что не воскресну, – и не воскрес, и это было еще больнее...

...Боль, привычная утренняя боль в моей истерзанной левой руке... Снадобье, которое мне вкалывали по утрам, приводило в состояние бодрствования почти мгновенно. Изредка – если под утро снилось что-то хорошее, – я об этом жалел. Гораздо чаще, и сегодня тоже, – радовался.

Я открыл глаза. Кибердоктор рядом с моей кроватью с тихим жужжанием втягивал иньектор обратно в свой корпус. Спасибо, электронный дружище, что в очередной раз вытащил меня с Острова Мертвых.

Интересно, все эти ночные кошмары – плод исключительно моего воображения? Или приложил свою руку психолог Центрального Военного Госпиталя? Решил, так сказать, вышибить клин клином?

Дернул меня черт рассказать ему, психологу, как и почему я очутился в цепких лапах военных эскулапов. Во всех подробностях рассказать, с мелкими деталями. А подробности состояли в том, что на затерянном в просторах Арктики ледяном острове меня в упор расстреляли из двух автоматов. От души расстреляли, не экономя патроны, полностью опустошив магазины.

Причем, что характерно, расстреляли меня два мертвеца. Вернее, насчет одного я не до конца уверен, – хотя с такими ранами, как были у него, долго не живут. Зато второй был натуральный мертвец. Стопроцентный. Не бывает живых людей без половины головы.

Психолог старательно пытался меня переубедить, честно отработывая свое жалованье подполковника медицинской службы. Выдвинул ряд версий, позволяющих мне – в случае согласия с ними – что называется, сохранить лицо и не прослыть законченным психом.

Самые разные версии: начиная с банальной галлюцинации, вызвать которую могли всевозможные причины, и заканчивая всякой экзотикой, вроде сложного голографического грима, не пойми зачем превратившего расстрелявшего меня человека в псевдомертвеца.

Но я упорно стоял на своем: мертвецы и точка. Слишком многие живые превращались у меня на глазах в мертвых, и зачастую с моей активной помощью, – как-нибудь уж сумею отличить одних от других.

Репутация меня не заботила... Псих? Плевать... Был спецназовцем, был подсудимым в черном трибунале, был разыскиваемым беглецом, наемником-камикадзе тоже был... Даже мертвым побывал неоднократно – один раз меня вытаскивали из клинической смерти по дороге на Большую землю и дважды здесь, в ЦВГ. Эка невидаль – псих... Переживу.

Доктор побился со мной, помучался, да и оставил по видимости в покое... Видимость оказалась обманчивой. Потому что именно после этого начались сны-кошмары про Остров Мертвых и убивающих меня мертвецов. И я подозревал, что дело не обошлось без хитрого подполковника и сеансов наркотического гипноза, проводимых без моего ведома и согласия.

Но и метод «клин клином» не помог. Пациент Дашкевич так и не излечился от своей мании.

...В госпитале начинался новый день – до одури похожий на все предыдущие, проведенные здесь. По крайней мере, на те предыдущие, что я провел в палате интенсивной терапии; происходившее в реанимации вспоминалось смутно и отрывочно. А на терапии всё однообразно: сейчас будут утренние анализы, затем завтрак, затем обход, затем процедуры, затем обед, затем усыпляющая инъекция и послеобеденный сон... Разве что вечерами случаются внеплановые развлечения – поездки в операционную, но об операциях всегда предупреждают заранее, за пару дней. Насчет сегодняшнего вечера не предупреждали – значит, предстоит лишь ужин, двухчасовой просмотр визора и отбой.

«Скучно жить, зная наперед все, что случится...» – уныло размышлял я, заканчивая завтрак.

Мысль была абсолютно верная, но, как вскоре выяснилось, к наступившему дню никакого отношения не имела. Потому что после завтрака и обхода по мою душу явилась не процедурная сестра, а Милена – предмет воздыхания всех больных мужского пола нашего отделения, и соседних отделений, и всех больных госпиталя, за исключением находившихся в коме. Но, поговаривали, даже у совсем уж полных коматозников менялись показания кардиомониторов, когда в палату к ним заходило это рыжеволосое создание с роскошными формами... Заявилась Милена не одна, с каталкой. И бодро приветствовала меня:

– Транспорт прибыл, больной! Отправляемся на экскурсию!

– Обожаю экскурсии! – в тон откликнулся я. – Предлагаю такой маршрут: Малая Голландия – площадь Шамиля – небоскребы Васильевского.

– Мне очень жаль, – вздохнула Милена, – но музеи Малой Голландии в понедельник выходные, на площади дорожные работы, а в небоскребах санитарный день, тараканов травят.

Но ты не унывай, Русланчик, у нас сегодня маршрут еще интересней – перевязочная, а затем консилиум.

Я не унывал. Скорее даже наоборот, потому что с этими словами Милена подкатила свою экскурсионную каталку поближе и потянулась к пульту управления функциональной кровати. А его, пульт, кто-то оставил низко, на металлическом основании моего ложа. В результате в вырезе халатика Милены взору открылся пейзаж, по всем параметрам бьющий панораму Васильевского острова со всеми его небоскребами.

Милена пробежалась пальчиками по кнопкам пульта – верхняя часть моей кровати, поднятая для завтрака под углом сорок пять градусов, приняла горизонтальное положение, а само ложе приподнялось, оказавшись вровень с каталкой.

Рыжеволосая фея установила каталку борт о борт с кроватью, а затем вновь нагнулась – зафиксировать стопор на колесе своего транспортного средства. Хотя, между прочим, вполне могла выполнить эту манипуляцию ногой – как, собственно, и выполняют ее все прочие медсестры и санитары.

Теперь мой взгляд усладила аппетитнейшая попка, туго обтянутая халатиком символической длины. И все остальное, что к попкам прилагается, тоже усладило. Наша экскурсия начиналась на славу: знаменитый архитектурный ансамбль площади Шамиля был вынужден признать свое полное поражение по части зрелищности...

И я не удержался, протянул руку... Но тотчас же остановил ее движение. Потому что рука была правая, левой я бы не дотянулся. А моя *новая* правая рука – штука своенравная. Сильна необычайно, можно играючи дробить в кулаке булыжники в мелкий щебень и шутя выиграть чемпионат по армрестлингу, если судьи сглупят и допустят к состязаниям человека с биомеханическим протезом. С чувствительностью много хуже – на ощупь не отличить вату от камня. Нулевая обратная связь, проще говоря. Соизмерять усилия я еще толком не научился и вполне мог вместо дружеского щипка лишить Милену кусочка плоти – а здешние больные такой вандализм не простят и удавят меня ночью клистирной трубкой.

А на вид рука как рука, зеркальное отражение левой (с нее, собственно, и копировали). Только кожа чуть более загорелая и гладкая, ни царапинки, ни мозольки, ни шрамчика.

Милена, не подозревая о только что грозившей ей страшной опасности, сняла прикрывавшее меня легкое одеяло. И уж ее-то взору ничего эротичного не открылось – нижняя часть тела больного Дашкевича представляла собой бесформенный белый кокон, из которого тянулись в изрядном количестве трубки разной толщины и провода разного цвета.

– Радуйся, Русланчик, – сказала Милена, быстро и ловко выдергивая, отстыковывая и отвинчивая украшавшую кокон лабуду.

– Есть радоваться! А чему?

– На консилиум сам пойдешь. Ты понимаешь?! Ногами! Своими!

Чем дальше, тем интереснее. С новой рукой я знаком уже больше месяца, теперь познакомлюсь с ногами. Ноги – это Руслан Дашкевич, Руслан – это твои новые ноги. И всем очень приятно.

Наверное, радость на моем лице отражалась не слишком бурная. Потому что Милена произнесла с некоей обидой:

– Ты хоть понимаешь, что с тобой сделали? Ты хоть помнишь, каким тебя сюда привезли? Да откуда тебе помнить...

Впрочем, обида ее очень быстро сменилась прежним игривым тоном, и Милена спросила, легонько постучав по моему кокону:

– Истосковался ведь по нижней своей половинке, признай?

Причем постучала она по той части моего белого доспеха, что скрывала вовсе не ноги...

Я согласно кивнул: признаю, мол.

Манипуляторы кровати с легким жужжанием подхватили меня вместе с матрасом и перегрузили на каталку. Милена что-то подоткнула, поправила, спросила заговорщицким шепотом:

– Рулить будешь?

– Порулю напоследок, если ты не против.

Она передала мне пульт-брелок, управляющий каталкой, я взял осторожно, левой рукой.

– Увидишь врача – тут же бросай мне, – в который раз предупредила Милена.

– Не промахнусь, – в который раз пообещал я.

Несколько месяцев этот брелок был для меня единственной возможностью хоть как-то управлять передвижениями тела в пространстве. Сегодня все изменится... Мало кто понимает, что это за шикарная вещь – собственные ноги. Мало кто ценит, пока не потеряет... Ну что, Мангуст, походим, побегаем, попрыгаем? Если эти биомеханические игрушки не уступают по кондициям руке, можно стать чемпионом хоть по спринту, хоть по марафону...

Рулил каталкой по коридорам я с лихой небрежностью водителя-профессионала, развив максимально возможную скорость. И, наверное, блаженно улыбался. День, представлявшийся с утра унылым и однообразным, положительно задался...

Но не зря мудрые люди предупреждают глупых: не хвали день до вечера. Судьба-злодейка уже заготовила для меня два удара, и оба ниже пояса.

В самом прямом смысле – ниже.

3. ...Вынул ножик из кармана

Нет, звания лесотундры здешняя растительность никак не заслуживала. Самая натуральная тундра, без всякого леса. То, что казалось при беглом взгляде низкорослым кустарником, вроде черничника или брусничника, при ближайшем рассмотрении обернулось карликовыми деревьями, в основном березками и ивами, но встречалась и какая-то хвойная мелочь. Сержант где-то слышал, что жители островных провинций Китая издавна увлекались странным хобби. Название его сержант позабыл, но суть в том, что надо вырастить в горшочке настоящее и взрослое, но крохотное деревце. Дело кропотливое и трудоемкое, не одно десятилетие занимающее. Вот бы этих островитян сюда, в карликовые «леса», с лопатами да горшочками... На сто лет вперед затарились бы.

Впрочем, гораздо чаще на пути сержанта попадались «безлесые» места, поросшие лишь мхом. И болота попадались, их Багиров обходил по краю: кое-где поблескивали на них зеркала чистой воды, – не то крохотные озерца, не то большие лужи, и проверять глубину этих луж не хотелось абсолютно.

А вот комары тут водились те же, что и в окрестностях Печоры, самые обычные. Лишь ветер стих – налетели, закружились вокруг. Пришлось опустить щиток шлема и дышать через фильтр-респиратор, что комфорта путешествию не добавляло. Но маленькие вампиры продолжали виться вокруг густой тучей, словно никак не хотели расстаться с надеждой прокусить защитное десантное снаряжение. Вот уж кому никакой катаклизм, никакая катастрофа не страшны, – пили кровь, пьют и будут пить.

Неясно, правда, чем питалась местная летучая и кровососущая братия до появления Бага – ни единого теплокровного существа за два часа пути сержант не приметил. Что достаточно странно: места дикие, зверье должно быть непуганое. Однако ни единой птицы на крохотных болотных озерцах, ни единой мелкой зверюшки, взобравшейся на кочку и с любопытством глазеей на невиданного пришельца.

Комары да сержант – вот и вся здешняя фауна. И если НЗ закончится раньше, чем путешествие, только комарами и останется питаться... Ну или опытным путем проверить съедобность корешков здешней флоры, потому что не единой ягоды или гриба на своем пути Багиров тоже не встретил...

Гастрономические рассуждения о здешней флоре и фауне оказались ошибкой – немедленно захотелось есть. Уже не в первый раз, желудок, похоже, решил отыгаться за неделю простоя и постоянно требовал добавки. Но сержант не собирался становиться рабом этого своего органа – ему волю дай, умнет весь паек за раз и тут же затребует длительный привал, для спокойного переваривания.

Поэтому Багиров всего лишь выудил из НЗ крошечный шоколадный брикетик, уже ополовиненный, обертку снял и спрятал в карман. Не от того, что не хотел нарушать экологическую чистоту тундры, какая уж нынче экология, и так загадили все, до чего дотянулись... Сработала привычка, сформулированная в короткой присказке: «Чем меньше следов, тем дольше здоров».

На долю секунды сержант приподнял щиток, быстро кинул шоколад в рот – летучие кровососы упустили удобный для атаки момент и бессильно ударялись о вернувшийся на место бронепластик. А шоколад был отправлен под язык, чтобы хоть как-то растянуть процесс принятия пищи. Желудок обиженно выл, возмущенный мизерностью порции.

– Жаткнишь, – невнятно приказал ему сержант, шоколад мешал четкой дикции. – Жнаешь, школько идешь калорий жапихнуто? Как ф трех жареных лемминхах. Или ф четырех...

Вздыхнул: дожил, с собственным желудком разговоры ведет... Еще день-другой одиночества – и комары сносными собеседниками покажутся.

Энзешный шоколад, хоть и мог сравниться калорийностью с тремя леммингами, а то и с четырьмя, но вкусом далеко уступал одноименному кондитерскому изделию, слишком уж много полезных и нужных организму веществ записали в брикетик его создатели. Багиров мог остановиться, развернуть скомканную этикетку и почитать, что там мелкими буквами напечатано про содержимое... Хотя, какая разница, меню в этом ресторане не дают, выбора нет, а как дойдет дело до корешков – и этот брикетик слаще любой конфеты покажется...

Темнело... Давно уже темнело, и все никак не могло стемнеть окончательно – горизонт оставался ярко-багровым, тундра под ногами была неплохо видна, – и Баг не торопился уstraиваться на ночевку: пока сил в достатке, надо отшагать как можно дальше. Но чуть позже он сообразил – настоящая ночь так и не наступит, не бывает в это время и в этих широтах полноценной темноты. Надо разбивать бивак, выбрав местечко посуше, а то так и прошагает до тех пор, пока солнце вновь не вынырнет из-за горизонта.

...Местные игрушечные деревца обладали на удивление прочной древесиной, вязкой и неподатливой, Багиров рассчитывал играючи срубить их одним ударом десантного ножа, но не тут-то было. Пришлось пустить в ход обратную сторону клинка, усеянную на манер пилы зазубринами, но и она с трудом перепиливала тоненькие стволики. Работать в перчатках было неудобно, но снять их не позволяли выющиеся кругом комары, в сумерках количество их увеличилось, не иначе как с ближайших болот прилетела подмога.

Кучка топлива росла слишком медленно, а без костра никак – когда Баг выбрался из проклятого тумана, по его прикидкам было градусов пятнадцать, выше нуля, естественно. Однако к вечеру ощутимо похолодало, до сих пор согревала энергичная ходьба, но на привале можно к утру дуба дать, если не развести огонь. Тактический комплект «Рысь-14» имел, разумеется, систему электроподогрева, но толку от нее ноль – по крайней мере до тех пор, пока не случится оказия подзарядить батареи.

– Вот ведь хрень какая, прямо железное дерево... – неизвестно кому сообщил Багиров, воюя с очередной карликовой березкой; разговоры с собой постепенно становились дурной привычкой.

И тут местная фауна, отсутствие которой (комары не в счет) удивляло сержанта, наконец-то проявила себя: вдалеке кто-то протяжно завыл. Волки? Багиров, человек насквозь городской, не был уверен, что сумеет безошибочно опознать волчий вой, тем более на таком расстоянии. Хотя кому тут еще выть? Вроде некому... Что волки в тундре водятся, это Баг помнил точно. Водятся и питаются северными оленями. Но за отсутствием таковых и заплутавшим сержантом не побрезгуют.

Волков он не боялся. Пускай подкрадываются, пускай пробуют загрызть спящего, – не по зубам серым титанопласт и кевлайкра. Скорее уж он, Багиров, свежатиной разживется. Что там говорил Пророк о волках, можно их вкушать или нет? – попытался вспомнить Баг и не вспомнил. В традициях и устоях веры он был не слишком тверд. Уразу держал, разумеется, и свинину в рот не брал, а в остальные тонкости предпочитал не вникать. Да и как можно равнять волка и свинью? Волк – животное смелая, даже благородная, можно сказать. И наверное, не мог Посланник Божий отнести волков к нечистым животным... Так что пусть приходят.

Успокоив себя этим рассуждением, сержант запалил костер, – сырые карликовые деревца никак вспыхивать не желали, пришлось пожертвовать таблетку сухого горючего.

С костром стало веселее. Сержант посидел у огня, погрелся, подкрепился очередной половинкой шоколадного брикетика. Затем прикинул по компасу нужное направление и приступил к намазу – воюющие и путешествующие, как известно, имеют право пренебречь дневными молитвами, но вечерний магриб – дело святое, от него не освобожден никто.

Общение с Аллахом не затянулось и все же обошлось Багу не менее чем в полстакана крови – но молитва в обуви и в шлеме уже кошунством пахнет...

Гудели натруженные ходьбой ноги, нестерпимо чесалось искусанное комарами лицо, но уснул Багиров быстро. Спал чутко, вполглаза, – ну как волки и в самом деле заявятся поживиться человечинкой? Не заявились, донимал лишь холод, несколько раз пришлось вставать и подбрасывать на угли костра новую порцию топлива.

Окончательно сержант проснулся, когда солнце поднялось уже достаточно высоко. Вновь задул ветерок, проклятые кровососы исчезли, – и Багиров с наслаждением стянул шлем с головы. В бою вещь бесценная, но нельзя же вечно жить в шлеме...

Теперь легкая трапеза – и снова в путь. На завтрак, разнообразия ради, Баг употребил половинку протеинового брикетика – сверхкалорийного, разумеется, и чрезвычайно полезного для организма. Вкус оказался еще хуже, чем у шоколадного... Вода во фляге болталась на доньшке, сержант допил ее и отправился к ближайшему болотцу набрать новый запас. Опасность скончаться посреди бескрайней тундры от жесточайшего поноса Багирову не грозила – через час нанофильтры фляги превратят подозрительную болотную водичку в жидкость, годную к употреблению.

До пяточка чистой воды – крошечного, десяток шагов в диаметре – он не дошел. Остановился, замер, настороженно поглядывая по сторонам. Оказалось, что не только сержанту приглянулся здешний водопой. Кто-то совсем недавно уже утолял тут жажду, причем явно не заморачивался обеззараживающими гранулами или посудой с нанофильтрами.

К воде этот «кто-то» подошел очень аккуратно, ступая по кочкам – лишь примята на них жесткая болотная трава и никаких других различимых следов. Но в одном месте жаждущий не то оступился, не то невзначай шагнул мимо кочки – на илистой влажной почве остался четкий отпечаток.

Отпечаталась там не нога – лапа. Здоровенная когтистая лапа.

Баг подошел поближе, разглядывал след так и этак... Оставил рядом отпечаток своего ботинка, сравнил размеры. Подошва зверя не уступала размером рубчатой подметке сержанта, а если прибавить длину четырех когтей, глубоко вдавившихся в ил – так и вовсе превосходила.

Багирову стало зябко от мысли, что на него, спящего, пялился из темноты хозяин этой лапы.

Волк? Тот самый, что давеча завывал в отдалении? Если тут бродят волки таких размеров, то минувшая ночевка была верхом легкомыслия и беспечности... Допустим, пасть пропорциональна по размеру лапе, а зубки – пасти, тогда никакая кевлайкра не поможет, сама-то уцелеет, да кость под ней треснет, как гнилая щепка...

Или медведь? От кого-то Багиров слышал, что медведи людей уважают и побаиваются, но за одиноко бредущим путником могут следовать в безлюдных местах много дней – скрываясь, не попадаясь на глаза, поджидая, когда человек ослабеет и станет легкой добычей...

Но водятся ли здесь медведи? Если и водятся, то уж наверняка не воют на закате, нет у медведей склонности к таким вокальным упражнениям...

Еще один вариант – тварь, пришедшая из-за Тумана. Не самая крупная, мелочь по тамошним меркам, – но самая настырная, решившаяся-таки отправиться по следу Багирова...

Либо ни то, ни другое и ни третье, а какая-нибудь местная зверюга, о которой сержант и не слыхивал. Много их развелось после Толчка, кто на радиацию грешит, мутантов плодящую, кто на происки недобитых колдунов мутаборских... Даже в места населенные порой страховидные и хищные создания забредают, но там-то их быстро изничтожают, а здесь... Здесь любая зубастая нечисть годами благоденствовать может.

Однако кто бы сюда ни приходил на водопой, – уже ушел, и хватит ломать голову над зоологическими загадками. Удвоить осторожность и двигаться дальше. Вернется зверюга – найдется, чем ее встретить. Оружие есть, боеприпасы есть, да и сам пока не инвалид... Отобьется.

Воду Багиров набирал, не глядя на флягу – настороженно посматривал во все стороны и вторую руку держал рядом с автоматом.

4. Как становятся психами – 2

– ...сто сорок восемь, сто сорок девять, сто пятьдесят... – отсчитывал я монотонно и уныло.

– Мне кажется, достаточно, – сказал профессор с бородой.

– Достаточно, достаточно... – поддержал коллегу лысый профессор.

Третий профессор, тот, что в очках, сделал мне знак рукой: хватит, мол, приседать. Я тут же прекратил выполнять упражнение.

Профессора задумчиво изучали стоявший перед ними экран. Что на нем изображалось, что за информацию выдавали датчики, наклепленные на мои бедра и голени, я со своей позиции видеть не мог. Но профессора оставались довольны увиденным, судя по их одобрительным междометиям.

Вполне возможно, что были они не профессорами, по крайней мере не все. Но я мысленно произвел их в это ученое звание. Для повышения собственной самооценки. А то она слегка падает, когда стоишь по стойке смирно в костюме Адама, облепленный датчиками, словно подопытная морская свинка.

Четвертый участник консилиума – хорошо мне знакомый подполковник-мозговед – до профессора не дослужился, это я знал точно. Он, кстати, и нижними моими конечностями никак не интересовался – черкал что-то стилем по экранчику электронного блокнота да временами поглядывал на меня с непонятной ехидной улыбкой.

– Мне кажется, коллеги, просто замечательно, – сказал бородач, затем повернулся ко мне:

– Как ваши ощущения, пациент?

Судя по ощущениям, я мог присесть еще раз этак семьсот или восемьсот, – никакой усталости, никакой боли в мышцах. Нечему болеть в этих мышцах... И устать нечему. Честно говоря, ноги я вообще не ощущал. Никак. Лишь в верхней части бедер, там, где начиналась родная, менее загорелая кожа, чувствовался легкий зуд. А самих ног вроде бы и не было... Но опустишь взгляд – ноги как ноги, на своем законном месте. Я мог бы даже, не покривив душой, признать, что стали они красивее и стройнее, чем раньше. Мог, но не стал. Проблема состояла отнюдь не в красоте. И не в стройности.

Обо всех своих ощущениях я честно доложил профессуре и стал ждать, какое очередное задание они для меня придумают. Список тестов у них, похоже, был бесконечным. А мне все равно. Главное я уже понял. Главное и очень неприятное – бегать на этих ногах я не смогу. Никогда.

Ходить, и даже довольно быстрым шагом, – сколько угодно, хоть пустыню Гоби пересекать без привалов, ноги не заболят, не устанут. Но о карьере чемпиона-спринтера придется позабыть. И о прежней моей службе – тоже.

До сих пор – вопреки всему – я надеялся на нее вернуться. Не важно, что от капитана Дашкевича осталась по сути меньшая часть, что половина органов пересажена, что родных костей в организме меньше, чем их заменивших имплантатов из титанового сплава... Все равно надеялся. Потому, что больше ничего в жизни, если совершенно честно, не умел. Потому, что надежда умирает последней.

Оказалось, что тест с приседаниями завершал мое «выступление». Ассистент отлепил датчики и последовала долгожданная команда:

– Пациент, одевайтесь.

Оделся я быстро – и не в халат, в котором сюда прибыл, а в новенький спортивный костюм. Целую вечность не надевал штаны... Пустячок, но приятно.

Бородач обратился ко мне подчеркнуто официальным тоном:

– Поздравляю, Руслан Викторович. Курс лечения в общем и целом закончен. Понаблюдаем вас еще дней пять-шесть – и на выписку. Но никаких осложнений, мне кажется, проявиться не должно. Затем амбулаторное лечение, месячного курса реабилитации наверняка хватит. Ну а раз в год, уж извините, – к нам, на операционный стол. Элементы питания надо заменять.

Он выдержал небольшую паузу и добавил:

– Вопросы есть?

Интонация намекала, что профессора – люди занятые, и если им отвечать на вопросы каждого профана-пациента, времени на лечение остальных не останется. Так что с вопросами лучше к своему лечащему врачу обращайтесь.

Я намек проигнорировал. И приступил к вопросам:

– Как я удерживаю равновесие на этих подпорках? Если вообще их не чувствую? Я видел, как люди учатся ходить на обычных протезах – не стоят, падают, тренируются до упаду, пока первые шаги сделают. А я встал и пошел. Странно...

– Эх вы, батенька, о чуде медицинской техники отзываетесь – подпорки... – неприятно произнес профессор-очкарик. – Ваши подпорки, между прочим, как десяток самых крутых и навороченных мобилей стоят. Каждая. На них несколько патентов и авторских свидетельств получено, две кандидатские и докторская по ним защищены... Под-пор-ки...

Последнее слово он произнес по слогам и скривив губы, словно неприличное ругательство.

Неприятность очкарика я тоже проигнорировал. Повторил вопрос:

– Так почему я стою и не падаю?

Он надулся и отвечать не пожелал, не иначе как был одним из авторов моих «подпорок», а может, и главным автором. Просветил меня лысый профессор, коротко, не вдаваясь глубоко в технические подробности: оказывается, кроме родного вестибулярного аппарата, я теперь таскаю в себе и некий искусственный орган, нечто вроде автопилота. Он-то и помогает удерживать равновесие, подавая на искусственные мускулы корректирующие команды. Теоретически, я даже спать теперь могу на ходу, шагать и спать, – автопилот так и будет вести меня выбранным курсом. Но на практике эта теория не проверялась.

Не проверялась и ладно. Я тоже проверять не стану. Не лунатик, чтобы разгуливать спящим.

Сейчас, наверное, надо было рассыпаться в благодарности профессорам. Сказать, что по гроб жизни не забуду их героические труды по спасению моей жизни и возвращению подвижности, что родившихся детей стану называть их именами. Детей, к слову, я иметь вполне мог, и даже достаточно здоровых, по нашим временам. Этим фактом участники консилиума порадовали меня в первую очередь. И за это тоже следовало благодарить эскулапов, поскольку хотя пули-дуры и пощадил детородные органы, но семявыносящий проток пришлось восстанавливать.

Однако я, свинья неблагодарная, вместо того обидел спасителей моей потенции – уже не только очкарика, а всю троицу (мозговед не в счет, тот давно и прочно обиделся).

Вот как я это сделал:

– Скажите, господин профессор, я могу получить нормальные ноги? Хотя бы теоретически?

– Что значит – нормальные?! – буквально-таки проскрежетал очкарик.

Бородач и лысый ничего не сказали, но смотрели на меня крайне неодобрительно. С губ подполковника-мозговеда ехидная усмешка уже не сползала: псих, дескать, этот Дашкевич, самый законченный псих, с ним вон какое медицинское чудо сотворили, а он все недоволен... В психушку его, на опыты!

– Нормальные – такие, чтобы я мог бегать, прыгать, драться... – терпеливо пояснил я. – Живые ноги. Выращенные из моих стволовых клеток. Я читал о таких операциях.

– Чит-татель... – тихо и неприязненно пробормотал профессор-очкарик.

– У нас такие операции никогда не производились, – сухо проинформировал бородач.

– У вас – в смысле в госпитале?

– У нас – в смысле в стране.

Понятно... Страна большая, народу много. Слишком накладно солдатам и даже капитанам новые руки-ноги выращивать. Бабы новых нарожают, хоть солдатиков, хоть капитанов. С готовыми руками и ногами.

– А где их производят? – решил я прояснить вопрос до конца; кто знает, когда еще удастся попасть на бесплатную консультацию сразу трех медицинских светил.

Ждал, честно говоря, получить ответ-отмазку: в зарубежных, мол, клиниках, туда и обращайся. Но лысый, к моему удивлению, начал отвечать весьма развернуто. Удивление быстро рассеялось. Профессор рассказал про некую частную клинику, из тех, что по карману лишь богатеньким верхолазам, про новаторские методики, применяемые там, про девяносто пять процентов успешных операций, – и тут же сообщил, что находилась клиника в Анклаве Сингапур, вместе с ним и канула. Затем поведал о некоем госпитале Красного Полумесяца, где тоже практиковали операции, восстанавливающие конечности, – я подумал было, что речь идет о ланданобадском госпитале, ибо точно знал, что тот лежит в руинах. Не угадал, профессор говорил о лиссабонском. Но сути дела это не меняло. Нет больше такого города, и госпиталя тоже нет.

– Достаточно, – попросил я, когда мстительный профессор начал нахваливать третью клинику, наверняка тоже лежавшую на дне морском или превратившуюся в груды обломков. – Я понял: после Катаклизма такую операцию сделать негде.

Тут в разговор впервые вступил мозговед, до сих пор рта не открывавший в течение всего консилиума:

– Ну почему же... Есть всевозможные засекреченные структуры, никогда и нигде не публиковавшие результаты своих исследований и операций. Наверняка некоторые из них занимались регенерационным клонированием и могли уцелеть. Но за информацией о них лучше обращаться в службу внешней разведки. А для пациентов со стороны платные операции производятся в Цюрихе, в клинике Фонда Вальдсхаймера. Только там, больше нигде.

Зловредный мозговед выдержал паузу, давая время порадоваться. Затем прибавил:

– Вот только стоимость операций... – Он лицемерно вздохнул. – Точную цифру не назову, но порядок примерно представляю.

Подполковник нарисовал какую-то цифру в своем блокноте, потом долго и старательно пририсовывал к ней нули. Закончил, повернул блокнот ко мне и даже руку вытянул, чтобы я мог лучше разглядеть.

– Это в рублях? – спросил я деловито, словно уже прикидывал, сколько у меня лежит в запачке, что смогу продать и у кого занять.

На самом деле сумма показалась мне астрономической. Как расстояние до далеких звезд, измеренное в километрах, – глазами цифру видишь, а зримо представить ее воплощение не получается.

– Это скорее в евродинарах, – ответил мозговед и вновь разулыбался ехидно-ехидно.

– Понятно. Вопросов больше не имею. Разрешите убыть в палату?

Думал, что утомленные моими вопросами эскулапы с радостью распрощаются. Не тут-то было.

Профессор-бородач уставился на экран, словно там появилось нечто новое, всматривался несколько секунд, удовлетворенно кивнул головой. И произнес:

– Немного задержитесь, майор Дашкевич. Осталось уладить одну формальность.

– Вы ошиблись, профессор, – капитан Дашкевич, – поправил я.

– Не ошибся, все правильно, – настаивал бородач. – Только что получено сообщение о присвоении вам воинского звания «майор».

Не успел я порадоваться досрочному повышению, как мозговед ударил мне под дых. Фигурально, но очень больно. Сказал:

– Офицерскому составу ОКР всегда присваивается очередное звание перед увольнением по медицинским показаниям. Вы не знали?

Я знал... Но увольняться из рядов не собирался. О боевых операциях придется позабыть, естественно, но офицером-оператором, по моему разумению, я вполне способен был послужить...

Спорить с профессорами на медицинские темы бесполезно, но я все же попытался обосновать свою точку зрения: вполне пригоден, дескать, по физическим кондициям для штабной работы. Хотите, подтянусь на одной руке раз триста?

Но торг здесь был неуместен.

– Мы ведь сейчас провели не только консилиум, – терпеливо пояснил бородач, – но и медицинско-аттестационную комиссию, чтобы дважды не собираться. Вердикт единогласный: к военной службе полностью непригоден.

Он переглянулся с подполковником, тот кивнул.

Ах вот оно что... Мозговед проклятый подгадил! Настучал, что новоиспеченному майору Дашкевичу мертвецы живые чудятся... С такими тараканами в голове какая уж штабная работа. Знал бы, чем все обернется – молчал бы как рыба о приключениях на острове. Но я, когда начал душевные беседы с подполковником, ни о каком продолжении службы не задумывался, какая к чертям служба с одной уцелевшей конечностью...

Пока я проклинал себя за беспечную болтливость, из принтера выползла какая-то бумага на официальном бланке.

– Возьмите, это выписка из приказа о присвоении нового звания, – протянул мне бумагу мозговед. – Приказ об увольнении будет подписан завтра.

Вот так... Аж целую ночь буду майором... А потом превращусь в майора в отставке. С правом ношения формы по большим праздникам.

Я принял бумагу из рук подполковника, вытянулся по стойке смирно, склонил голову в коротком полупоклоне, коли уж головного убора не было. И гаркнул уставным голосом:

– Служу отечеству, господин подполковник!

Словно и в самом деле получил не пинок под зад, а высокую награду...

В этот момент награждаемому полагается пожимать руку, я протянул свою – подполковник рефлекторно ответил встречным движением.

С его стороны это стало ошибкой, поскольку свою правую клешню я пока что контролирую плохо. А сейчас и вовсе не пытался контролировать.

– Извините, – покаянно произнес я. – Никакой чувствительности у этого чуда медицинской техники. Очень трудно соизмерять усилия. Но я буду тренироваться.

Подполковник шипел сквозь зубы нечто неразборчивое, но явно нецензурное. Лицо его стало белее снега, кисть же, напротив, покраснела и стремительно опухала.

Приятная все же штука месть... Даже такая мелкая.

5. След человека

Десять минут спустя после выхода с места ночевки Багиров поднялся на водораздел между двумя болотцами – не холм даже, а лишь слабый-слабый намек на пригорок, – и выругался. Совсем чуть-чуть вчера не дошел, вот ведь незадача...

Впереди – градусы в двадцати от выбранного сержантом курса и достаточно далеко – виднелось нечто угловатое, явно не природного происхождения, явно сделанное руками человека.

Первый признак цивилизации, первый след людей в здешних Аллахом позабытых местах.

Что можно ждать от этих людей? Ничего хорошего, скорее всего. Сомнительно, что местные жители, даже не принадлежащие к ярым сепаратистам, примут сержанта федеральных войск с распростертыми объятьями. Но позади бродила неведомая тварь, где-то рядом бродил призрак вполне реального голода... И сержант Багиров решительно изменил курс – двинулся в сторону людей и цивилизации.

Пара минут быстрой ходьбы – и он понял, что именно видит. Вездеход, застывший посреди тундры колесный вездеход. Не армейский, «Старатель» или нечто однотипное... Сепаратисты? Но они, как представляется, должны сейчас драпать от Печоры, не жалея горючки... А может, и драпали, а как закончилось топливо – бросили свою драндулетку и двинули пешком. На всякий случай сержант вставил в подствольник кумулятивную гранату – лоханка эта не бронированная и одним выстрелом можно вскрыть ее, как консервную банку.

Двигался теперь сержант значительно медленнее, готовый в любой момент залечь и открыть огонь.

А потом понял, что никакой опасности со стороны вездехода не грозит. Но и помощи он никакой здесь не получит. Вездеход стоял здесь очень долго, много лет...

Вскоре он оказался возле «Старателя» – характерная форма топливных баков свидетельствовала, что вездеход именно этой модели, некогда весьма популярной у геологов и прочего экспедиционного люда.

Громадные колеса вездехода наполовину увязли во мху, а то, что издали казалось камуфляжной раскраской, оказалось пятнами ржавчины, густо усеявшими корпус.

Сержант медленно обошел машину, осматривал внимательно... Хотя осматривай, не осматривай, – ясно, что никогда и никуда «Старатель» уже не поедет, своим ходом, по крайней мере... Отстарался.

Причем над приведением вездехода в полную непригодность поработали не только время и непогода, – люди тоже приложили руки, и весьма трудолюбиво. Кожух двигателя был поднят, многих узлов и деталей не хватало...

Аккумулятор найти Багиров не рассчитывал, да и сдох бы любой аккумулятор за такой срок. А вот генератор, да еще не заржавевший, – в нынешних обстоятельствах настоящий клад. В комплектацию «Рыси» входят несколько адаптеров, позволяющих заряжать аппаратуру от самых разных источников тока... Уж сладил бы сержант какой-нибудь ручной привод к генератору, чтобы хоть самую малость подзарядить батареи – много ли энергии надо, чтобы выйти на связь на минуту-другую?

Увы, генератор тоже был свинчен.

Ну это как раз понятно, запчасти вещь нужная. Но кто и зачем старательно продырявил топливные баки, буквально изрешетил их каким-то оружием или инструментом, треугольным в сечении? Кто содрал защитный кожух с гребного винта («Старатель» был амфибией), а затем искурочил лопасти? Машину целенаправленно приводили в негодность.

В кабину Багиров забрался, мало рассчитывая на какие-либо ценные находки. Все ценное тут давным-давно нашли... Так и оказалось: приборная панель зияла несколькими отверстиями от демонтированных приборов, остальные были старательно разбиты – тем же самым треугольным в сечении инструментом. Некоторое время сержант разглядывал датчик давления в пневмосистеме, избегнувший общей участи по неведомой прихоти разрушителя. Датчик как датчик, стрелка, разумеется, на нуле...

С сидений срезана обивка, наполнитель из чего-то мягкого в труху сгнил, ржавые пружины торчали во все стороны... Даже не посидеть толком.

Забираться в грузопассажирский отсек нет ни причины, ни желания – наверняка та же картина: разгром, раздраз и бессмысленный вандализм... Или осмысленный, что общего итога не меняет.

Баг еще раз оглядел кабину – и увидел-таки кое-что любопытное. Абсолютно бесполезное, но любопытное. В крыше, почти над дверцей водителя, красовалось отверстие, оставленное пулей солидного калибра. Причем ударила пуля изнутри, пробила крышу насквозь и улетела в неведомую даль. Обрамлявшие отверстие ржавые зубчики металла позволяли хорошо представить траекторию пули – она была направлена довольно круто вверх, что исключало вариант с выстрелом издалека, угодившим в отсутствующее ныне стекло пассажирской дверцы и прошившим вездеход насквозь.

Интересно, интересно...

Сержант выпрыгнул из вездехода, прикинул: может быть, кто-то стрелял в водителя снаружи, стоя рядом с машиной, через распахнутую пассажирскую дверь?

Нет, не получится, сиденье помешает. Разве что росту в стрелке было метра два с половиной или он поднял оружие над головой на вытянутых руках. Но это едва ли...

Выстрел произвел человек, стоявший на подножке или сидевший на пассажирском месте. Стрелял в водителя, больше не в кого. Попал или нет – не понять, пуля с сердечником запросто могла прошить и человека, и нетолстый металл крыши... А если стрелок промахнулся, вполне мог тотчас же сделать второй выстрел, не оставивший следов на вездеходе...

Внезапно Баг разозлился сам на себя. Ну чего ради он застрял у этой кучи металлолома и пытается разгадать детективную загадку пятилетней, а то и десятилетней давности? Заняться больше нечем?

Ладно, хоть один толк от бессмысленной находки будет, раз уж она самая высокая точка в окружающем плоском рельефе... Цепляясь за ржавые скобы, сержант взобрался на крышу «Старателя», осторожно попробовал ногой – выдержит ли вес здорового мужчины в полном десантном снаряжении? Перспектива обрушиться вниз вроде бы не грозила. Багиров встал в полный рост, огляделся. Вокруг простиралась все та же плоская равнина. Затянутая туманом ложина давно осталась позади, скрытая едва заметными складками местности.

На западе что-то темнело, но Баг никак не мог разглядеть, то ли это грозовой фронт, то ли там виднеются приличной высоты холмы, а то и настоящие горы... Делу мог бы помочь бинокль – самый обычный, оптический, но он остался под руинами «консерватории».

Тучи, решил Багиров, просто тучи... Потому что никаких гор к западу от Печоры не было и быть не могло. Горы есть восточнее – предгорья Приполярье Урала.

Он решил соскочить с вездехода лихим прыжком, но тотчас же передумал. Нельзя рисковать, подвернутая лодыжка – смертный приговор без отсрочки исполнения и без права на апелляцию. И Баг собрался было чинно спуститься по лесенке из скоб, словно самый нестреловый из всех штатских ботаников, в жизни не нюхавший военной службы.

Собрался – и не успел. Полетел на землю, сброшенный с вездехода страшным толчком. Успел сгруппироваться, вжался в мох, ожидая, что сейчас докатится грохот взрыва.

Взрыв не прогремел. Но тундра снова содрогнулась, скорчилась в безмолвной судороге.

Сверху раздался скрежет, Баг взглянул на его источник – поднятый кожух двигателя медленно-медленно опускался, прижавевшие петли издавали тягучий гнусный звук... Наполовину опустился и замер на полпути.

Землетрясение... Все никак не успокоится матушка-земля после Катаклизма, то и дело трясет и корежит ее в местах, где раньше никогда на людской памяти подземных толчков не случилось.

Третьего удара – оказался он значительно слабее двух предыдущих – пришлось ждать почти две минуты. Сержант провел их с пользой – вспомнил и применил к себе все известные эпитеты, касающиеся людской тупости, глупости и скудоумия.

Случается, что падения с высоты помогают вспомнить что-то забытое и важное, есть версия, что причиной тому служит воздействие краткого мига невесомости на человеческий мозг. Помог недолгий полет и сержанту – кое-что вспомнить и кое-что сообразить.

А именно тот факт, что все «Старатели» (кроме самых древних, вовсе уж ископаемых моделей) оснащались ллейтоновской батареей как запасным источником энергии. Для хоть сколько-нибудь долгих путешествий по пересеченной местности батарея, разумеется, не годится. Но дотянуть на ней до базы, если вышел из строя основной двигатель или закончилась горючка в баках, порой возможно. А если невозможно, то батарея не позволит замерзнуть экипажу застрявшего в буране вездехода, обеспечит бесперебойную работу средств связи и т. д. и т. п.

Стобит батарея Ллейтона недешево, а в здешних местах и по нынешним временам – вообще настоящее сокровище. Люди, решившие оставить в тундре неисправный вездеход, сняли бы ее в первую очередь, и сержант даже не задумался о том, что батарея еще здесь – слишком нелепое предположение.

Но пулевое отверстие в крыше кабины наводило на мысль, что хозяева расстались с вездеходом не по своей воле. Возможно, при этом распрощаться им пришлось не только со «Старателем», но и с жизнью...

А уж потом тут, подобно стае обезьян, порезвились новые владельцы. Знали они о небольшом аккумуляторном отсеке, укрытом под полом кабины?

Допустим, знали. Допустим, первым делом наложили руку на батарею... А вот дальнейшее допустить трудно: никак не представить, как это они аккуратно возвращают на место крышку отсека, аккуратно привинчивают на место сиденье, – чтобы тут же варварски содрать с него обшивку. А это значит...

Ничего не значит. Батареи Ллейтона очень живучие по сравнению с другими типами аккумуляторов. Держат заряд и несколько месяцев, и год... Держат и дольше, но уже с потерями.

Но пять лет? Как минимум пять – сержант готов был присягнуть, что меньше «Старатель» здесь не ржавеет, а вот дольше – вполне возможно. О таких сроках хранения заряженных батарей Багиров не слышал. Глупо будет потратить еще уйму сил и времени, чтобы в результате трудов обнаружить абсолютно бесполезную разряженную батарею. Но не попытаться использовать крохотный шанс еще глупее...

...Полтора часа работы. Испорченный нож – кончик его пришлось обломить, поскольку ничего хоть относительно похожего на отвертку в «Старателе» не нашлось, отыскан был универсальный ключ – и на том спасибо.

Батарея оказалась на своем законном месте, на вид новенькая и свеженькая – отсек герметичный, ни капли влаги внутрь не попало.

Он достал адаптер, разматал два проводка, прицепил один «крокодил» на минус батареи.

Оставалось прицепить второй на плюс, но Багиров медлил... Очень уж не хотелось расставаться с надеждой и получать взамен очередное разочарование.

Медленно-медленно протянул руку, коснулся «крокодилом» клеммы... В момент касания проскочила крохотная искра. Багиров с трудом удержался от радостного, на всю тундру, вопля. Жива курилка, дышит... Значит, и мы проживем еще, повоюем.

6. Последняя ночь

Отбой в Центральном Военном Госпитале происходил так: в палатах гас свет, вырубались визоры, на окнах задерживались плотные шторы, поскольку ночи стояли белые. Пациенты, дабы соблюдали режим и не колобродили по ночам, получали усыпляющие инъекции. Впрочем, кое-кто из выздоравливающих, люди молодые и предприимчивые, от инъекций умудрялись отвертеться. И все равно колобродили...

Я сегодня инъекцию не получил. Вообще. Кибердоктор из моей палаты исчез, пока я общался с профессорами на консилиуме, а живая процедурная сестра перед отбоем не пришла. Обычная для военной структуры путаница и неразбериха, ничуть не удивляющая тех, кому довелось послужить в рядах ОКР.

В общем, я не спал. Но и не колобродил, не отправился на поиски незамысловатых бытовых приключений. Сидел, продолжая тупо пялиться на погасший визор, смутно видимый в свете теплящегося ночника. Настроение и без того было не очень, а тут еще этот стереобоевичок, словно в насмешку прокрученный вечером по центральному каналу...

В боевичке рассказывалось о доблестном полицейском из Европола, гонявшемся за деятелями Ассоциации поставщиков биоресурсов. За нелегальными торговцами человеческими органами, проще говоря. Доблесть доблестью, но разок европоловец дал маху и угодил в лапы своих врагов. И те живо разобрали парня на запчасти. Вернее, начали процесс разборки, и даже далеко в нем продвинулись, но завершить не успели, – нагрязнула подмога.

Короче говоря, главного героя заново собрали, но уже из механических запчастей. Получился громоздкий киборг, сверкающий хромом и никелем, – снимался боевичок давненько, до появления биомеханических протезов, неотличимых на вид от нормальных конечностей. На службе киборга оставили (повезло, не напоролся на стукача мозговеда).

И железный истукан принялся мстить – обидевшим его дилерам, разумеется. Мстил незамысловато, но эффектно, демонстрируя при этом чудеса подвижности: догонял, например, на своих железных ходулях бешено мчащийся мобиль...

Не фильм, а сплошная издевка, и я ничуть не расстроился, когда визор погас на самом кульминационном эпизоде – до мести главному негодяю оставалось всего чуть.

Последняя ночь... Последняя ночь в рядах ОКР. Наверное, надо было вспомнить все хорошее, что случалось со мной за годы службы – много времени эти воспоминания не заняли бы. Но помогли бы понять, как глупо с моей стороны рваться обратно под наши знамена – истрепанные и пропитанные кровью. Еще, наверное, стоило вспомнить всех ребят – сгоревших в «вертушках», погибших на земле, не доведенных до госпиталя... Всех поименно, начиная с мясорубки у Станции и заканчивая мясорубкой в Печоре. Эти воспоминания грозили затянуться до утра, но помогли бы понять то же самое: не валяй дурака, Мангуст, хватай свою майорскую пенсию, пока дают, и попробуй интереса ради пожить мирной жизнью – а вдруг понравится?

Ничем похожим мои мысли заняты не были... А занимался я простой арифметикой: пытался поделить число из блокнота мозговеда на пресловутую майорскую пенсию, мысленно плюсуя к ней всевозможные надбавки... Результат деления удручал: пробежаться трусцой мне не удастся даже в глубокой старости. Всю жизнь проведу на «подпорках».

В дверь палаты постучали – деликатно так, осторожненько. Я удивился: что за ночные визиты? – но негромко откликнулся:

– Не заперто.

Дверь открылась еще до того, как я закончил говорить. Горевшие в коридоре лампы высветили на полу прямоугольник с неправильными пропорциями. Тут же в этот освещенный прямоугольник вкатился небольшой больничный столик на колесиках. Следом вошла Милена.

– Больной Дашкевич, вы забыли принять лекарство. И вечернюю инъекцию вам тоже не сделали.

Слова были самыми официальными, но тон, которым она их произнесла... Черт возьми, многие здешние пациенты отдали бы правую руку, чтобы к ним ночью пришла Милена и обратилась таким вот тоном. Хотя я уже отдал... Так что все справедливо.

Прежде чем дверь закрылась и освещенный прямоугольник исчез, я успел оценить сервировку столика. Среди медицинских баночек-скляночек на нем выделялась своими размерами колба, почти доверху залитая чем-то прозрачным. Понятно... Не иначе – универсальное больничное лекарство-антидепрессант, в просторечии – медицинский спирт. Но рядом с колбой поблескивал знакомый футляр пистолета-инъектора, – может, и вправду госпитальное начальство вспомнило, что больной Дашкевич не облагодетельствован порцией здорового сна?

– Пациент Дашкевич к инъекции готов, – отрапортовал я. – Штаны снимать?

– Позже... Сначала лекарство.

Свет она так и не включила. Чуть постояла, привыкая к полумраку, затем подкатила столик к кровати. Протянула руку.

– Держи. Чтобы всё, как полагается...

Наши пальцы встретились, и на ладонь мне переключалось нечто маленькое, угловатое. Майорская звездочка.

– Извини, всего одна... И ту с кителя майора Гуссейнова тайком отшпилила.

Все правильно. Традиции – вещь святая. Не важно, на одну ночь стал майором или на десять лет, – звание надо обмыть. Но на меня за день столько новостей свалилось, что я как-то позабыл про непрменный ритуал. А вот Милена не забыла.

– Я думал, твое дежурство уже закончилось.

– Оно и закончилось... Я присяду рядом?

– С левой стороны, пожалуйста, – попросил я на всякий случай.

Звездочка тихонько звякнула о дно стакана, – лабораторного, с делениями, что воинским традициям в общем-то не противоречило: случалось и в алюминиевых кружках звездочки обмывать, слитым с «вертушек» техническим спиртом, имевшим мерзкий привкус резины... Всякое бывало.

В колбе, вопреки моим предположениям, оказался отнюдь не разведенный медицинской спирт. И не чистый медицинский... Водка, причем хорошей очистки.

– «Смирновская», – подтвердила Милена. – Но не могла же я ее в родной бутылке по коридору катить... Перелила.

Стаканы она наполнила до краев... Выпили. Я до дна, как положено, – и ухватил зубами звездочку. Думал, Милена лишь пригубит, но и она выпила правильно, до дна. Хотя, конечно, лабораторные эти емкости стаканами были лишь по названию, а по объему – как большие стопки.

Вообще-то у майорской звезды, коли уж она красуется на погоне в одиночестве, принято обмывать каждый лучик. Но я решил подсократить программу, традиция соблюдена, и ладно. Надо сделать скидку, все же не в компании десантуры обмываю.

– Тебя ведь ровно девять месяцев назад к нам привезли, день в день... – задумчиво произнесла Милена. – Прямо-таки срок беременности... И вот – можно сказать, родился сегодня заново.

Она коснулась моего колена, жест я разглядел, но прикосновения не почувствовал.

– Родился, – подтвердил я. – И сразу майором, не у каждого так получается... За новорожденного?

Выпили по второй, на сей раз Милена плеснула себе немножко. Теперь можно было и закусить. Выяснилось, что в футляре лежал вовсе не инъектор, а ломтики чего-то (я толком

не разглядел в полутьме, чего именно) мясного, подкопченного и очень вкусного. Настоящее мясо, не синтетика.

– Наши санитары даже поспорили про тебя: выкарабкается или нет? – ударились в воспоминания Милена. – Белородов ящик пива проиграл...

Я поинтересовался:

– Врачи тоже спорили?

– Нет, конечно... Это ведь... ну как если бы ты десантироваться полетел и пари с вертолечниками заключил: долетите или нет.

Логично... Но я бы не удивился, если бы выяснилось, что зловредный мозговед проспори́л пару бутылок коньяка из-за моей живучести.

– Они не спорили... Просто изумлялись, – продолжала Милена. – Профессор Ковальчук всё басил: железный стержень у этого Дашкевича, и душа анкерными болтами к телу притянута...

Насчет стержня неведомый мне Ковальчук хватил лишку, несколько имплантированных позвонков из титанового сплава на железный стержень никак не тянули... Зато ортопедических анкеро́в в моем заново собранном организме хватало, некоторые даже из драгметаллов...

Дальнейшее шефство над колбой я взял на себя, накапал обоим по полстаканчика и произнес традиционный третий тост:

– За тех, кто не вернулся. За тех, кого к вам довезти не успели...

Милена добавила:

– И за тех, кого успели, но... Тут ведь тоже не боги работают, воскрешать не умеют...

Выпили, закусили, она заговорила с неожиданной тоской и злостью:

– Ты знаешь, каково это: лежит вот такой, как ты, молодой и красивый, лежит и умирает, и ничего не сделать, а он уж и говорить не может, только смотрит с надеждой... А рядом, за стеночкой, уже номерок выписывают.

– Какой номерок? – не понял я.

– Тот, что на ногу! На большой палец! – она почти кричала. – И вниз, в подвал, в морг, спецлифт номер два, на других этажах не останавливается...

Долго молчали. Каждый о своем... Я – о том, что спецлифт моей жизни тоже отчего-то на нормальных этажах до сих пор не останавливался. Лишь на тех, где кровь, грязь, стрельба, взрывы, трупы... Теперь вдруг кабина остановилась сама собой, дверцы распахнулись, – снаружи чисто, тихо, мирно... Спокойно... Но я боюсь сделать шаг в эту тишину и покой. Потому что привык не выходить, а выпрыгивать, расчищая себе путь длинной очередью и перекатом уходя с линии ответного огня. И начинать панихиду с танцами...

– Я дура, – произнесла вдруг Милена спокойно и тихо. – Тридцатилетняя рыжая дура... Человек родился заново, а меня понесло... не туда и не о том... Давай начнем всё с начала?

– Давай... Всё-все?

– Ага.

– С самого-самого?

– С самого. Да ты хоть помнишь, как все началось?

– Дословно, – похвастался я и процитировал самого себя шестимесячной давности:

– Девушка, а как вас зовут?

Ну да, каюсь, не самое оригинальное начало знакомства... Но большего трудно ожидать от человека, только-только выкарабкавшегося из комы.

– Кому девушка, а кому дежурная по блоку, – подхватила игру Милена.

– И все-таки? Не люблю, когда мне делают уколы незнакомки.

– Милена Станиславовна...

– А потом я хотел спросить: «Можно просто Мила?», но не успел, снова обрубился... И спросил в другой раз, при следующей встрече.

– Когда меня называют Милой, мне хочется царапаться... – продолжила цитировать Милена уже вторую нашу встречу.

– А Леной?

– Кусаться!

На том, помнится, фантазия у тогдашнего капитана Дашкевича иссякла... Или иссякли силы, и он снова провалился в беспамятство. У нынешнего майора Дашкевича и с фантазией, и с запасом сил дело обстояло значительно лучше. И он – в смысле я – отклонился от сценария давнишних диалогов:

– А как тебя звала мама? В детстве?

– Илькой...

– Если буду так тебя называть – начнешь кусаться или царапаться?

– Нет, я начну...

Закончила ответ она не словами, а действием. Ожидаемым и все же неожиданным... Надеюсь, мои соседи по отделению никогда ничего не узнают, не то смертность по третьей терапии резко повысится... И удивленный майор медицинской службы Гуссейнов изумленно начнет подписывать свидетельства с весьма неординарной записью в графе о причине смерти: «Умер от зависти».

Подумалось: «Сколько же я не целовался с женщинами?» Попытался припомнить – вспомнилась Артистка и крохотная каютка «Брунгильды», – давненько, в общем, не целовался. С тех самых пор, когда еще имел полный комплект родных конечностей.

– А как тебя называла в детстве мама? – спросила Милена, переведя дух.

Не самый удачный вопрос... Она не знала, что у меня не было детства. В обычном понимании этого слова, по крайней мере. И мамы не было... Она погибла на пятом месяце беременности и не вынашивала меня – «вылеживала», подключенная к аппаратам, искусственно поддерживающим подобие жизни в мертвом теле.

– Меня в детстве называли кадет Дашкевич, – сказал я, стараясь не сбиться с прежнего беззаботного тона. – В юности – курсант Дашкевич. А теперь будут называть старой отставной перечницей Дашкевичем.

– А если я назову тебя старой перечницей, что ты сделаешь?

Я не стал отвечать на этот глупый вопрос. Словами, по крайней мере. Ответил действиями.

7. Незнамо где, неведомо когда

Батарея и в самом деле еще «дышала», но дыхание ее было явно предсмертным. Процента два-три от номинальной емкости она как-то умудрилась сохранить, не более того. Однако на адаптере тускло светился диод, свидетельствуя: процесс зарядки хоть вяло, но продолжается. Затем диод начал подмигивать. Затем погас. Заряды батареи и блока питания «Рыси» уравнились. Багиров включил на мгновение цифровой индикатор блока, оценил цифру. Кошкины слезы...

Сержант отсоединил «крокодилы», но провода сматывать не стал – потом, после сеанса связи, можно будет попытаться выдоить из батареи последние крохи энергии. Но, если все пройдет как надо, лишняя возня станет ни к чему...

Он нажал на блоке питания единственную клавишу: подал питание на рацию. Аптечка, навигатор и все прочие приамбасы подождут.

Основной рабочий канал молчал. Понятное дело... Связь по нему шла узконаправленным лучом через переносной ретранслятор, таскаемый на спине одним из бойцов роты «Гамма-7»... А где тот боец и тот ретранслятор, непонятно. Но не в зоне приема, однозначно.

Багиров переключился на запасной канал, аварийный. Короткие кодовые сигналы уходили в эфир – ответа не было. Никакого. Даже подтверждения приема не было.

А вот это уже странно. Более чем. Аварийный канал работал через ретранслятор, подвешенный высоко над Печорой, на дирижабле «Дмитрий Донской» – поскольку с переносным ретранслятором в бою всякие поганые случайности происходят сплошь и рядом. Антенны «Донского» должны были уверенно принять сигнал с радиации сержанта за пару сотен километров. А при благоприятных для связи условиях – за все триста.

И где этот хренов дирижабль?! Сбит, поврежден? Так в действие тут же вступил бы запасной командный пункт, автоматически приняв все функции обеспечения связи...

Интереса ради сержант пошарил по соседним диапазонам. Они сейчас должны были ломиться от кодированных приказов, донесений и распоряжений, – как всегда бывает не только при проведении крупных армейских операций (боевые действия за минувшую неделю могли закончиться), но и при любом большом скоплении войск на ограниченном пространстве... Естественно, декодер радиации Багирова не смог бы расшифровать не предназначенные ему сообщения, но факт их наличия зафиксировал бы.

Не зафиксировал. Эфир был девственно чист. Это уже ни в какие ворота не лезло...

Разозленный Баг переключился на гражданские диапазоны. Включил только прием – призывать на помощь по незащищенным каналам устав запрещал категорически. Вертолет-то, может, и прилетит, но доставит прямиком в трибунал.

И здесь почти пусто... Две станции вели цифровые передачи откуда-то издалека, еле слышно, но декодер сержанта не предназначался для развлечений – шансон или новости не послушать...

Он переключился на аналоговый режим. В России последнее время плодились, как поганки после дождя, местные радиостанции, вещавшие на район или волость, – каждая самостоятельная власть уездного масштаба спешила обзавестись своим средством массовой информации. Примитивные, собранные из подручных материалов станции вещали в аналоговом режиме – для таких же примитивных аналоговых приемников, порой самодельных.

Вещали – но не здесь. Шумы, атмосферные помехи – вот и все. Здесь местная власть отсутствовала. Либо не желала общаться с подведомственным населением посредством радиоволн.

Взглянув на индикатор заряда, Багиров торопливо выключил приемник. Хватит в игрушки играть... В запасе есть еще один способ. Более сложный, но все же реальный.

Он достал из защитного футляра «балалайку», пристыковал к ней тоненький, почти прозрачный проводок. Зарядилась быстро, много ли «балалайке» надо...

Он опустил веки, подождал, пока исчезнут из глаз фантомные пятна, всмотрелся. «Сеть не обнаружена», – проинформировал наноэкран, имплантированный в сетчатку глаза.

Все правильно. Локальная сеть роты и не должна быть доступна, поскольку связывал в нее «балалайки» личного состава тот самый канувший ретранслятор. А что с глобальной?

Сержант понимал, что понятие «глобальная сеть» после Катаклизма несколько устарело. Но по привычке именно так называли ошметки и обрывки былой великой Сети, кое-как кое-где связанные между собой... Многие наземные ретрансляторы и кабельные линии разрушены, но все же не все. Многие спутники канули в День Станции – одни попадали, другие замолчали, кружат по орбитам мертвыми кусками металла... Однако некоторые все еще исправно функционируют.

Наземных ретрансляторов в здешних местах отродясь не было. А спутники... Багиров предпочел не вычислять, какова вероятность, что он окажется в зоне приема случайно пролетающего спутника. Он просто надеялся: этот шанс связаться со своими сработает. Потому что других не оставалось.

План был незамысловат: войти в сеть как гражданское лицо, под своим никнеймом, да и стукнуться в одно сообщество, где тусовались несколько сослуживцев (те тоже никак не выдавали свою принадлежность к ОКР). Ну и бросить ребятам весточку: мол, жив-здоров, да застрял в далеких краях... А начальство при желании вычислит, откуда пришел сигнал.

Вход в общедоступную сеть не обнаружился. Багиров повторил попытку. И еще раз повторил, и еще...

На пятой попытке произошло чудо. Случаются в жизни чудеса, что бы там ни твердили скептики. Вместо стандартного ответа «Сеть не обнаружена» экранчик предложил осуществить вход, введя логин и пароль.

Он вознес бы благодарственную молитву Аллаху, но нельзя было терять ни секунды...

А спустя недолгое время вместо несостоявшейся молитвы над тундрой разнеслось громовое проклятие. Причиной послужило сообщение: «Ваш пароль просрочен. Введите новый пароль».

Какого хрена просрочен?! До конца года должен действовать...

Он тщательно, стараясь не ошибиться, погонял курсор по виртуальной клавиатуре и ввел ту же последовательность букв и цифр. И получил тот же ответ. Третью попытку он совершил уже от отчаяния, ни на что не надеясь... Экранчик сообщил, что количество попыток входа исчерпано, – и погас.

Проклиная тупую технику и ее глупых создателей, Багиров вновь включил рацию – если повезет, если спутник военный и российский, сигнал на аварийной частоте должен принять... Заодно врубил навигатор – по беде надо получить с паршивой овцы, пролетающей над головой, хоть клочок шерсти. В смысле, привязку к местности.

Вызов по «аварийке» ушел словно бы в никуда. Навигатор, однако, успешно обменялся со спутником информацией. И попросил через пять минут повторить сеанс для получения более точных координат.

Эти пять минут Баг потратил, чтобы еще раз подзарядить блок питания. Подзарядил, и ллейтоновская батарея стала окончательно мертвой.

Вновь включенный навигатор обиженно сообщил, что связи с объектами, пригодными для получения координат, не имеет. Баг для проверки вновь стукнулся в сеть – вход в нее исчез.

Спутник улетел. Лимит чудес на сегодняшний день исчерпан. А может, и на всю неделю. Или на всю жизнь, причем не исключено, что дольше недели она не затянется...

Придется довольствоваться малым – привязкой своего местоположения к карте. Плевать, что не получены уточненные, с точностью до пяти метров, координаты. Хватит и с точностью до десяти километров. Понять хоть приблизительно, где находится.

Встроенным в шлем экраном картплоттера сержант не воспользовался – жрет энергии непозволительно много для нынешних обстоятельств. Вывел карту на наноэкранчик.

В ближайших окрестностях Печоры местоположение сержанта Багирова не обнаружилось, что и следовало ожидать. Он увеличил масштаб вдвое. Карта теперь, соответственно, показывала вчетверо большую площадь – но и на ней не светилась алая точка, символически изображающая сержанта по прозвищу Баг.

Он еще несколько раз увеличивал масштаб – и наконец-таки увидел заветное алое пятнышко. Только карта к тому времени превратилась в крохотный квадратик в углу экрана, с совершенно неразличимыми деталями. И пятнышко по прозвищу Баг светилось далеко за пределами упомянутого квадратика. В непроглядной черноте.

Ну и ну... Перед вылетом на операцию карту в навигатор Баг загрузил с запасом, мало ли что... Здоровенный кусок территории Русского Севера, четыреста на четыреста километров... С центром в Печоре, разумеется.

Или навигатор врал (что было маловероятно), или Баг на своих двоих за неделю бесси-стемных блужданий умудрился отмахать несколько сотен километров. Он прикинул масштаб – нет, пожалуй, счет идет на тысячи... Отмахал и находится не пойми где. В географии сержант был не силен и не очень представлял, что за земли скрывались за непроглядной чернотой экрана. Может, самый север самозванной Сибирской республики. Может, и того хуже – арктические провинции КНР. Дошагать туда и не заметить, как пересек здоровенную реку Печору, Уральские горы, реку Обь, тоже не маленькую, и, возможно, еще пару великих сибирских рек, – в такой вариант Баг наотрез отказывался верить.

Значит, врал навигатор.

Хотя... Теперь ведь заработала электронная оптика, а значит...

Он вновь вскарабкался на крышу вездехода, посмотрел на запад – но уже через линзы электронного бинокля. И чуть не свалился со «Старателя» еще раз, на сей раз без помощи землетрясения.

Горы. Самые натуральные горы. Не грозовой фронт. И не мираж, электронная оптика миражи опознает и отсекает. Горы начинались как-то резко. Местность в том направлении медленно повышалась, зеркала тундровых не то озер, не то луж на западе исчезали. Но здешние горы начинались почти без холмистых предгорий: несколько редких холмов – и вставляли крутые склоны. На макушках гор белел снег, белые языки кое-где сползали вниз...

Потрясенный видом горного хребта, оказавшегося вовсе не там, где должен и мог находиться, Багиров не сразу оценил значение одной детали наблюдаемого пейзажа. А она того стоила – в той же стороне, но гораздо ближе к сержанту, поднималась полоска дыма и изгибалась от ветра в виде буквы «Г»... Потом оценил-таки и засек по компасу направление на дым.

Медленно, в глубокой задумчивости, он спустился на землю. Еще раз вывел на экранчик карту – нет никаких гор к западу от Печоры. И дальше к западу нет, сплошная равнина тянется до самых Хибинских гор, до Кольского полуострова.

Произошел сбой в навигаторе или нет, уже не важно. Без закачанной карты ценность этого прибора невелика, и даже дату он сейчас показывал какую-то невразумительную. В общем, оказался сержант незнамо где и неведомо когда. Но в местах, где теоретически никак не мог оказаться.

Однако, если практика противоречит теории, про теорию лучше забыть. Если шагать к теоретической Печоре, оставив за спиной вполне реальные горы, – никуда не дойдешь, так и сгинешь в болотистой тундре.

Другой цели для дальнейшего путешествия у Багирова не было. Значит, надо двигать к горам. Там по крайней мере сухо – не придется терять время, обходя болота, и спастись от стай летучих кровососов. А то стихнет ветерок – и опять нос из шлема не высунуть.

Еще там, в том же направлении, были люди. Ничем иным дым не объяснить, в пожар от молнии поверить невозможно, слишком уж все сырое. Надо постараться этих людей разыскать, кем бы они ни были.

Не разыщет – тогда найти среди холмов сухое место, устроить укрытие – передохнуть денек, оглядеться. Прикинуть, что тут с охотой – не бывает мест совсем без зверья, это сейчас он за версту виден и все живое распугивает, а если залечь, затаиться, – наверняка что-нибудь живое из норок повыездит...

Короче говоря, необходим бивак, длительный отдых и жратва.

Поскольку сержант чувствовал – силы на пределе. Случается такое – и это вовсе не та привычная усталость, что подавляется усилием воли, а такая, что приляжешь или присядешь, – и не встать, и не сделать больше ни шагу... Хоть трибуналом грози, хоть расстреливай на месте, – не сделать. В роте «Гамма-7» подобное случалось с другими, и Багиров вытаскивал их на себе. Но это там, по сравнению с новобранцами-молокососами, он был железным Багом, здесь же выносливостью только с тундрой тягаться можно – а она любого одолеет...

Он поправил амуницию, обесточил все приборы, остатки энергии стоит приберечь. И приготовился двинуться напрямик в сторону замеченного дыма. Только закинул автомат за спину, – и тут опять завывло. Почти как накануне, но сейчас вой звучал гораздо сильнее. И источник его наверняка находился гораздо ближе.

Шайтан! Он совсем позабыл про давешнюю зверюгу... А она ведь вполне могла пообедать сержантом, когда он увлеченно возился с аппаратурой.

Вой продолжался.

Приклад «абакана» влип в плечо, палец лег на предохранительную скобу... Но цель отсутствовала, автор воя упорно не желал появляться на сцене.

Вой не стихал, и направление, откуда он доносился, было не определить, – звук стелился над тундрой, звучал ниоткуда и отовсюду одновременно. Он то усиливался, то становился чуть тише, то поднимался до верхнего «си», то скатывался на чахоточный хрип.

Психическая атака... Послушаешь полчаса такой концерт – и поневоле записхуешь, начнешь делать ошибки и глупости. И лишь тогда последует атака реальная.

Где могла скрываться зверюшка солидных размеров, если Баг даже в электронный бинокль ее не разглядел? Да где угодно... Нашла ложбинку, прижалась ко мху и дерет себе плотку.

– А вот хрен тебе, а не психическая атака! – сообщил Багиров твари.

Опустил щиток шлема – вой ослабел до вполне терпимого уровня. Включил датчик биологических объектов, – при таких делах не до экономии – и установил нижний предел массы определяемых объектов на пятьдесят килограммов. Датчик молчал – никого живого и весящего более полуцентнера в радиусе ста метров не было.

Вот теперь пусть воет, пока не сорвет глотку. Пусть пытается подкрасться незаметно.

А он, сержант Багиров, пойдет своим курсом.

8. Тревога четвертой степени

Давно замечено, что есть особые точки – и в пространстве, и во времени – в них события, по видимости незначительные, вызывают последствия, несопоставимые по масштабу с самим воздействием. Крошечный камешек, стронутый с места на вершине горы, – лавина катится вниз и сметает селение в долине; крошечный дефект презерватива – и на свет появляется величайший гений или величайший злодей.

Сержант Багиров по прозвищу Баг, оказавшись возле брошенного в тундре вездехода «Старатель», угодил, сам того не подозревая, именно в такую точку. И в пространстве, и во времени. И его невинная возня с аппаратурой вызвала реакцию, схожую с лавиной...

Лавина, как ей и положено, катилась сверху вниз, со спутника «Алиф-Заль-117» на грешную землю.

Упомянутый космический аппарат был запущен на эллиптическую геосинхронную орбиту давненько, почти пятнадцать лет назад, и срок его жизни подходил к концу. Изначально спутник (как все остальные спутники серии «Алиф-Заль») не относился к военно-космическим силам Исламского Союза и предназначался для мирных, телекоммуникационных целей. Но...

Но когда господа генералы вежливо просят установить на мирном коммерческом спутнике пару-тройку военных приборов, – им, генералам, отказывать не принято. Не оружие установить, конечно же. Однако генералы тоже люди, со всеми присущими роду людскому слабостями, и любопытством страдают точно так же, как простые смертные. Любой спутник связи – узловой пункт всемирной Сети, и грех оставлять без внимания и анализа проходящие через него потоки информации. Могли господа генералы удовлетворять свое любопытство и более традиционным способом, – визуально, при помощи установленного на спутнике электронного телескопа.

Конечно, кружащие по низким орбитам разведывательные спутники куда более пригодны для визуального наблюдения: с высоты в пару сотен километров можно прочесть текст в документе, неосторожно развернутом под открытым небом, – если шрифт четкий, а день погожий. Телескоп «АЗ-117» на такие дотошные наблюдения способен не был (геосинхронные орбиты располагаются на два порядка выше от поверхности Земли), да и не предназначался для них, – его задачей считалось слежение за объектами крупными и хорошо заметными. За эскадрами вероятного противника, например.

Но День Станции нарушил многие расчеты и поломал многие планы. Космическая группировка Исламского Союза понесла огромные потери, и низко летающие спутники-шпионы первыми гибли в пертурбациях, сотрясающих верхние слои мезосферы... «Алиф-Заль-117», отделенный от эпицентра Катаклизма десятками тысяч километров, уцелел и сохранил работоспособность. И его телескоп остался единственным «глазом» Исламского Союза над огромной частью территории Северо-Восточной Евразии.

Но источником «лавины» стал не телескоп – приемопередающая аппаратура спутника. Все происходило без участия человека: антенны приняли сигнал, бортовой компьютер идентифицировал его, как представляющий интерес, запеленговал источник. Затем пакет кодированной информации отправился на другой космический аппарат, на спутник-ретранслятор, выписывающий огромные восьмерки над Западной Европой (на самом деле спутники, конечно же, не могут кружить над каким-либо районом земной поверхности, и восьмерки выписывать тоже не могут; но именно так выглядит их движение, с точки зрения земного наблюдателя – движение спутника по орбите накладывалось на собственное вращение планеты).

Ретранслятор отпасовал информацию на антенны наземного комплекса дальней связи в окрестностях Эль-Парижа. Дальнейший путь оказался ничтожным по космическим меркам –

меньше трехсот километров по оптико-волоконному кабелю в Алла-Кале, в громадный подземный бункер Объединенного командования вооруженных сил Союза.

Все произошло очень быстро: сержант Багиров еще возился с навигатором, а в тысячах километров от него, глубоко под землей и под слоем железобетона, в углу виртуального экрана, сотканного из лучиков света, замигал квадрат – белые буквы на красном фоне. Оператору, чтобы заметить сообщение, прочитав его и понять, потребовалось больше времени, чем сигналу на весь его далекий путь.

До сих пор сообщение, хоть и шло с приоритетом «аль-бурак-аль-дехаб», то есть с наивысшим, никакой тревоги не вызывало. Техника не умеет тревожиться.

Но теперь в дело вступили эмоции... Пожалуй, даже не тревога, а безмерное удивление прозвучало в голосе дежурного офицера, когда он произнес:

– Русские войска в секторе «каф-хадашер»!

Дежурный офицер действовал строго по инструкции: немедленно объявил тревогу четвертой степени, она же синяя тревога.

Синяя тревога означала, что началась или вот-вот начнется морская или наземная операция войск вероятного противника, напрямую против Исламского Союза не направленная, но существует вероятность расширения конфликта. Боевому расчету командного центра предписывалось по сигналу синей тревоги усилить наблюдение за районом боевых действий, не покидать свои посты до ее отмены и находиться там в полной готовности к объявлению тревоги более высокой степени.

Тревога расплзалась по бункеру, сопровождаемая звуковым и световым сигналами, затем выплеснулась за его пределы – сообщения ушли в командные пункты ПРО, ПВО и ВМС (командование сухопутных войск по совместительству квартировало здесь же, в бункере Алла-Кале). Там история повторилась: несущие дежурство командиры оповещали своих подчиненных, подчиненные бросали недопитый кофе и недожеванные бутерброды, устремлялись на боевые посты: не в окопы и не к амбразурам – к экранам контроля оперативной обстановки и к пультам дальней связи.

Синяя тревога двинулась дальше – в войска, к командирам баз и соединений (на данном этапе начались первые утечки информации на сторону). Одновременно усилили наблюдение за сектором «каф-хадашер». Усилить его можно было одним способом – перенацелить телескоп «АЗ-117» на район предполагаемого десантирования русских... Перенацелили. Скопленный боевой техники не обнаружили, прочих потенциальных целей – тоже. Вообще ничего, указывающего на вторжение.

Спустя десять минут состоялось виртуальное блиц-совещание заместителей командующих родов войск – сержант Абдулла Багиров мог бы гордиться, узнав, внимание каких высоких чинов привлекла его персона.

Версии совещавшимися были выдвинуты самые разные: от преднамеренной провокации до случайной активизации старой аппаратуры, находившейся в секторе «каф-хадашер» еще со времен, предшествующих Дню Станции. Но в одном мнения совещавшихся не разошлись: массированный десант не состоялся. А если в секторе объявилась одиночная боевая или разведывательная группа – это проблема русских и прокитайских сепаратистов из марионеточной Сибирской республики, непосредственной угрозы Исламскому Союзу не существует.

Отбой синей тревоги прокатился тем же путем: от Алла-Кале к штабам родов войск, оттуда в части и соединения.

Но два оператора на всякий случай продолжили плотное наблюдение за сектором «каф-хадашер». Вернее, наблюдали они за экранами, куда выводилась информация с телескопа спутника «Алиф-Заль-117». Как выяснилось несколько часов спустя, совсем уж напрасными их старания не были.

– Вижу группу целей, подводные, курс семь-двадцать три, скорость двенадцать!

– Идентификация?

– Заканчивается... Готово. Прогулочные подводные аппараты класса «Дельфин» с вероятностью семнадцать процентов, живые существа – восемьдесят три процента.

– Не Красное море, чтобы там «Дельфины» плавали... Да сейчас они и в Красном не плавают... Это моржи. Или белухи.

– Какие еще моржи в озере?!

– Мутировавшие. Пресноводные. Или крокодилы, тоже мутировавшие. Или еще какие-нибудь мутировавшие порождения шайтана... Мы здесь не зоологией занимаемся.

Последовала пауза, озеро вместе с мутировавшими порождениями шайтана уползло с экранов. Затем первый наблюдатель произнес задумчиво:

– А я, пожалуй, знаю человека, который заинтересуется мутировавшими крокодилами...

– Э-э-э?

– Та шишка из Евромеджлиса...

– Не понял...

– За Гисаром наблюдали по его приказу, помнишь?

– А-а-а... Ну да.

– Он просил, если увидим что-то этакое, сообщать. У меня даже его номер где-то записан...

– Сообщи. Может быть, расщедрится на премиальные. Говорят, денег у него, как песка в пустыне.

– Сообщу. Если номер не затерялся...

В то же время, когда в Алла-Кале происходил этот диалог, в Санкт-Петербурге шеф ОКР генерал-полковник Кравцов получил агентурное донесение о синей тревоге у исламистов и о причинах, ее вызвавших. Причины особенно заинтересовали его превосходительство...

9. Как браконьерствуют в тундре

Вой снова раздался, проклятый вой. Зверюга явно не желала вступать в честную драку: тащилась где-то рядом, не приближаясь, – и выла, выла, выла... Как по расписанию: десять минут антракт, затем вновь получасовое отделение бесконечного концерта.

Сержант машинально прибавил шагу. Машинально включил датчик биообъектов. Он все сейчас делал машинально – словно машина, работающая на последних каплях горючего или на издыхающей батарее.

НЗ закончился. Силы закончились тоже. С обеденного привала (обед состоял из последней четвертинки последнего брикетика) Багиров себя поднял при помощи стимулирующей инъекции из аптечки. Знал, что потом станет еще хуже, но иначе не мог подняться и пойти...

«Потом» наступило. И стало еще хуже.

К тому времени, когда вой неожиданно оборвался на самой высокой ноте, Баг почти бежал – этакий марш-бросок в никуда, в бесконечность. Или ему казалось, что бежал... В последние часы ему многое казалось. То мерещилось, что он почти добрался до гор, что бредет в их прохладной тени, то казалось, что цепочка заснеженных вершин по-прежнему остается на горизонте, далекая и недостижимая...

Воздух с хрипом вырывался из глотки Багирова. Постепенно шаги становились все тяжелее и тяжелее, запредельная усталость брала свое... И настырная зверюга тоже получит свое, когда он упадет и не сможет больше сделать ни шагу.

Давно стемнело, пришла здешняя фальшивая, ненастоящая ночь, позволяющая кое-как разглядеть путь под ногами. Сержант не останавливался, знал, – с ночного привала ему не подняться. Или он сдохнет, или дошагает-таки до гор.

Горы превратились в какую-то абстрактную цель, поддерживавшую волю к движению. В пряник, маячивший на горизонте. А вой проклятой твари постегивал сзади, будто хлыст. Спроси кто-нибудь: чем тебе помогут и как тебя спасут эти самые горы? – Баг не сумел бы ответить. Но никто не спрашивал. И он шагал к горам.

Про дым и про людей он уже не вспоминал, вычеркнул их из мыслей. Хотя приблизился к тем местам, где стоило ожидать встречи с человеком, запалившим костер. Или с людьми. Но искать их уже не хотелось. Места тут суровые, и люди наверняка тоже, – когда не в силах постоять за себя, лучше бы с ними не встречаться...

Неожиданно ноги подкосились, и сержант с размаху упал на колени. Застыл, запрокинув голову к темному, неприветливому небу, больше напоминающему каменный потолок какого-то склепа. Он провел так целую вечность, жадно глотая ртом воздух.

С сержантом Абдуллой Багировым приключилось озарение. Пришла в голову блестящая и гениальная догадка, объяснявшая всё. Не все загадки мироздания, конечно же, но самые насущные: и туман, и лежащие за туманом гиблые места, и чудовищных зверей, по тем местам разгуливающих, и перемещения в пространстве, никакими законами физики не допускаемые...

Все очень просто. Он, сержант Багиров, ранен в бою за Печору. И лежит сейчас в госпитале, отходя после операционного наркоза. А после него, Баг знал не понаслышке, какая только бредятина ни мерещится...

Медленным движением он отстегнул флягу, хлебнул, но воду не выпил, – сполоснул пересохший рот и выплюнул. Ведь это только кажется, что хочется пить. Все вокруг – сплошная иллюзия, порождения бредящего мозга... Надо лечь на мягкий зеленый мох, закрыть глаза и ничего не делать. Откроешь – и увидишь белые стены госпиталя.

Вой раздался, казалось, над самым ухом. Словно тварь подошла вплотную и выла, нависнув над плечом. Багиров не обернулся, чтобы проверить. И не включил датчик. Иллюзия... Это тоже иллюзия.

А потом он, пошатываясь, встал на ноги. Вскинул неподъемный, словно ртутью налитый автомат, обернулся. Быть сожранным собственной иллюзией? Нет уж, в другой жизни.

Позади никого не оказалось. Ни над плечом, ни в отдалении. Багиров развернулся и неторопливо направился к горам. Первые шаги дались тяжело. Тело словно свинцом налилось, но постепенно движения становились все более плавными – сержант зашагал вперед, словно спортсмен, у которого неожиданно открылось второе дыхание. Или двадцать второе... В любом случае – последнее.

Сколько времени он шел? Сам не знал... На часы смотреть не хотелось. Как робот, Багиров делал шаг за шагом по иллюзорной равнине, медленно приближаясь к своей иллюзорной цели.

Потом он споткнулся, да так, что едва не упал. Посмотрел вниз – тупо, механически... Камень! Никак вышел из болот... Он активизировал ненадолго «ночной глаз», огляделся. Неподалеку виднелись несколько валунов, сбившихся вокруг высокого каменного обломка, как овцы вокруг пастуха. Хоть какая-то защита, потому что в минуту просветления Багиров понял: до гор в один переход ему не дойти. Особенно с тащившейся по пятам тварью.

Надо остановиться, изобразить полную отключку, подманить тем самым зверюгу – и принять бой. Иллюзорная она или нет, не важно. Надо убить ее. И съесть. Других вариантов нет.

Возможно, то была игра в поддавки с самим собой. Возможно, мозг так обосновывал нежелание и неспособность тела двигаться дальше... Но сержанту в тот миг показалось, что принятое решение единственно верное.

Он добрел до камней. Да уж, укрытие – курам на смех, но все-таки... Меньше возможных направлений атаки. Баг шагнул внутрь импровизированного укрепления. И остановился... Что-то не так... Он поднял щиток шлема и тут же опустил. Но успел вдохнуть порцию густой вони, до того значительно ослабленной фильтрами. Включил «ночной глаз», присмотрелся к странной растительности под ногами – нитевидной, не похожей ни на что, растущее здесь и виденное ранее.

Нагнулся, поднял – так и есть, какая к шайтану растительность, клочок самой натуральной шерсти... Ненароком он влетел в логово твари, наверняка той самой, не шлятся же они тут стаями, тут одной бы прокормиться. Или, если взглянуть с другой стороны, тварь пригнала его к своему логову...

Теперь встреча с невидимым преследователем неизбежна, сомнений нет. Вопрос лишь в одном: бить зверя в его логове? Или на подходах к нему? Валуны дают лишнюю защиту, но очень уж не хочется сидеть в этакой вони.

Предчувствие близкой схватки сработало не хуже инъекции стимулятора. Усталость не ушла совсем, не исчезла, – но отступила, затаилась где-то рядом.

Он вышел из камней, отошел на два десятка шагов в сторону, приглядывая подходящую для засады позицию... А потом неожиданно – и одновременно ожидаемо – у сержанта возникло странное чувство. Словами его выразить трудно, но те, кто ходил в бой и в разведку, с ним хорошо знакомы... Такое ощущение возникает, когда тебя выследили и взяли на прицел, когда снайпер положил палец на спуск... Некий не регистрируемый приборами импульс, передающийся от охотника к дичи.

Багиров скинул автомат, готовый полоснуть очередь в любую сторону. А затем... затем ему захотелось с досадой хлопнуть себя по лбу, да мешал шлем. Датчик! Он совсем забыл про датчик и не включал его во время трех последних «концертов»...

Короткое движение подбородка, датчик включился – и тут же зашелся тревожным сигналом. Тварь была рядом, гораздо ближе ста метров. И весила гораздо больше пятидесяти килограммов.

Пеленг поступил секундой позже. Хитрая зверюга не утратила осторожность и сейчас – приближалась под прикрытием, оставляя скопление валунов между собой и сержантом. Он немедленно двинулся назад и влево, увеличивая дистанцию и сектор обстрела. Ну наконец-то сейчас все закончится, так или иначе...

И тут случилось непредвиденное. Земля неожиданно ушла у Бага из-под ног. Он рухнул, успев в короткий миг падения подумать об очередном землетрясении...

Но нет, рухнул он просто-напросто в глубокую яму, хотя только что, разглядывая окрестности, никаких ям не заметил.

Удар был страшным. Шлем треснулся обо что-то, выдержал, но биодатчик вырубился. Багирову показалось, что и он сам вырубился тоже, но без сознания пробыл недолго, секунду или две... От падения ныло и болело все тело, но вроде жив пока, и то ладно...

Автомат? Рефлекс сработал безупречно – первым делом оружие, потом все остальное. «Абакан» лежал рядом, справа... Отлично. Тварь пока никак себя не проявляет – не воет, не пытается обрушиться сверху, но, если попытается, получит своё...

Теперь – понять, что произошло. Ям тут никаких не было, однако же в яму он сверзился... Значит, не простая это яма.

Он снял перчатку, провел вокруг левой рукой – земля, рыхлая и слегка влажная. Пальцы двинулись дальше и уперлись в стену, тоже земляную. Но земля была здесь твердой, холодившей пальцы. Мерзлота...

Звезды – лишь самые яркие – тускло мерцали над головой, стиснутые кругом почти правильной формы. Верхнюю часть склонов Багиров смог разглядеть, низ ямы – и самого сержанта – покрывал густой мрак. Но склоны – там, где было видно, – оказались вертикальными, словно по отвесу выровненными.

Одно из двух: или это колодец, не пойми зачем выкопанный в изобилующей влагой местности, а затем пересохший, или ловушка.

Вариант с колодцем Багиров отмел, как бредовый. Значит – западня, ловчая яма. Выкопанная, разумеется, не для поимки одиноко шатающихся по тундре сержантов... Ловушку насторожили на тварь, – очевидно, не так давно, иначе мерзлота успела бы оттаять, и во время вчерашнего землетрясения ничем не укрепленные земляные стены от толчков осыпались бы... Рисковые люди ее соорудили, между прочим, – у самого логова, с опасностью, что зверюга в любой момент может возвратиться...

Но, если это ловушка, должно быть тут кое-что еще... Падения с такой высоты недостаточно, чтобы прикончить тварь – едва ли она уступает живучестью Багирову. И удержать добычу надолго невозможно – высота метра три, не больше, стены в верхней части наверняка рыхлые... Выберется.

Он переложил автомат в левую руку, пошарил справа – так и есть, нечто твердое, длинное, тянущееся вверх... Кол! Вкопан не по центру – значит, не единственный здесь. Из чего их сладили, вот вопрос, если из здешних деревьев карандаш толковый и то не выстрогать.

Но из чего-то колья все же сделали, и если бы Багиров падал не вдоль стеночки, а чуть правее – как раз и угодил бы на эту хреновину. Броник спас бы от участи бабочки, наколотой на булавку, но заполучить перелом можно было легко и просто...

«Однако в результате все сложилось очень даже удачно, – подумал Багиров. – Тварь, если все-таки решится сигануть сверху, схлопочет разом по полной программе: сначала попадет под пули, затем напорется на колья».

Он ошибался. Сложилось все очень даже неудачно – и он понял это, когда попытался пошевелиться, сменить свое положение на дне ямы. Правая нога откликнулась таким взрывом

боли, что Багиров чуть не взвыл на манер своего противника, но кое-как сдержался... Перелом? Если так, то все, отгулял свое сержант по неведомым местам. Отходил и отбегал. Даже поползать не получится, потому что со сломанной ногой из ямы не выбраться...

Осторожно, стараясь не тревожить ногу, он приподнялся на локте, дотянулся до аптечки, включил ее – экономить энергию теперь ни к чему.

Кибердиагност подтвердил мрачные подозрения: свой перелом сержант заполучил-таки. Закрытый, что немного радовало. Зато с обильным внутренним кровотечением. С кровотечением, впрочем, электронный доктор тут же справился, активизировав один из самозатягивающихся жгутов, загодя вшитых в рукава и штанины. Рекомендации были просты: сохранять полный покой и как можно быстрее приступить к лечению в условиях стационара.

Он бы послушно сохранял полный покой... Зачем суетиться: могилка уже готова, рано или поздно землетрясение обрушит оттаявшие стены – и лежи себе спокойно до самого Страшного суда...

Слово покой происходит от покойника? Или все же наоборот?

Не важно... Потому что покой нам только снится и бой еще не закончен. На то, что противник ушел, оставив его умирать в яме, сержант не рассчитывал. Никто не станет преследовать дичь вторые сутки подряд, чтобы в самом финале охоты отказаться за здорово живешь от своей законной добычи.

Раз так – надо драться, пока жив.

Он пробежался пальцами по сенсорным клавишам аптечки. Кибердоктор бурно запротестовал против самоубийственного, по его мнению, лечения – и был немедленно заблокирован. А теперь укольчик, совсем не больно, будто комарик укусит...

В кровь рванулся адский коктейль из стимулятора и ударной дозы анестетика. Стимулятор даже теоретически нельзя принимать в таком состоянии – надо отлежаться пару-тройку дней после первого приема. Иначе слабое сердце может не выдержать, а здоровое быстро подсядет... Но зачем покойникам здоровое сердце?

Поддействовало почти мгновенно. Усталость ушла, боль не ощущалась даже в сломанной ноге. Можно драться.

В мозгу тоже здорово посвежело, и Багиров сообразил одну простую вещь, до того не приходившую в голову. Дернул подбородком – так и есть, ДБО спокойноенько заработал, он сам нечаянно отключил датчик при падении, только и всего.

Тварь была здесь. Кто бы сомневался...

Пеленг постоянно менялся, и вскоре сержант понял: тварь кругами бродит вокруг ямы, не останавливаясь. Круги постепенно сжимались, но очень медленно, напасть сразу же тварь не решалась... Осторожничает, зараза.

Пришла неприятная мысль: может, это просто стервятник? Падальщик, не нападающий на живых и хорошо отличающий их по запаху от мертвых?

Тогда последнего боя не будет. Обидно. А могилкой станет желудок мерзкого не пойми кого. Еще обидней.

Он лежал и ждал. Ничего не происходило. Тварь приблизилась к яме на полтора десятка метров и перестала сжимать круги. Но двигалась по-прежнему безостановочно. Интересно, она когда-нибудь отдыхает?

Едва Багиров озадачился этой мыслью – все и произошло. Звуков бега или прыжка он не услышал, лишь коротко пискнул датчик – и сверху, с края ямы, на сержанта установились три громадных желтых глаза, каждый размером с доброе блюдо. Огромные светящиеся глаза, внутри каждого из которых плавало темное пятнышко, – крошечный зрачок... Два глаза на одном уровне, а третий выше. Фары какие-то, а не глаза.

Мозг еще недоумевал: не бывает таких глаз у топчущих землю тварей, – а тело само делало привычную работу. «Абакан» загрохотал длинной очередью. Звуки выстрелов отража-

лись от стен ямы, накладывались друг на друга, резонировали, – и казались оттого оглушительными. Но все равно не смогли перекрыть крик твари. Не прежний вой, тварь именно закричала, – голосом, не похожим ни на что, ранее слышанное сержантом.

Казалось, что крик и стрельба длятся долго, очень долго... На деле все заняло около трех секунд. Крик смолк. Почти сразу же смолк автомат. Чудовищные глаза исчезли с края ямы.

Тишина, зловещая тишина... лишь гул от выстрелов стоял в ушах. Привычными движениями сержант сменил магазин, дослал патрон в ствол. Вскинул автомат, но на краю ямы никого и ничего видно не было.

Датчик засвидетельствовал – объект рядом, в семи или восьми метрах, не движется.

Издыхает? Или тварь отступила и готовится к новой попытке? Багиров был уверен, что большая часть пуль попала в цель. Но понятия не имел о живучести этой цели.

Долго ломать голову не пришлось. Снова раздался давешний вой, но звучавший несколько иначе, словно бы наполненный тоской и болью. Но в любом случае издыхающий зверь не смог бы драть глотку с такой силой...

Багиров лежал, готовый открыть огонь в любой момент. Лежал и вглядывался в края звездного круга, лишь изредка контролируя обстановку по датчику...

Вой смолк – как-то неожиданно, без непременно финальной рулады. Зато стал слышен другой странный звук. Негромкий, шуршащий. Сержант почувствовал его скорее телом, чем ушами. Словно кто-то большой и длинный полз, извиваясь всем туловищем, ломая и сминая карликовые деревья.

Багирову отчего-то представился здоровенный удав, хотя в тундре даже захудалого ужа днем с огнем не сыскать. Однако что гадать, если есть биодатчик...

Но оказалось, что биодатчик банальным образом сошел с ума. Сбрендил. Свихнулся. Съехал с катушек. Или с микросхем.

Трехглазую тварь он больше не видел. По крайней мере, никак ее присутствие не фиксировал. А то, что фиксировал, никакому истолкованию не поддавалось.

Живые объекты были повсюду, по крайней мере повсюду в окрестностях ямы. Двигались бессистемно и хаотично, исчезали, появлялись снова, меняли свои размеры... Хуже того, пара объектов копошилась в яме рядом с Багировым – если поверить сбрендившему прибору, разумеется. Сержант не поверил, решив полагаться исключительно на слух и зрение.

Шуршание приближалось, становилось все громче... А потом на краю ямы показался силуэт... Темнело что-то небольшое, непонятное... Багиров удержался от новой очереди. Кто бы там ни был, пусть высунется как следует. Треть оставшихся патронов он уже извел, стрелять надо наверняка.

Еще один небольшой силуэт образовался на краю, и еще, и еще... Сержант не понимал ничего. Но затем вроде бы разглядел, что силуэты растут, слегка увеличиваются в диаметре... Он врубил «ночной глаз», не раздумывая.

И увидел то, что никак не рассчитывал увидеть. Не наверху – здесь, в яме. С десяток непонятных длинных отростков – они перевесились через край ловушки и, неторопливо удлиняясь, опускались все ниже и ниже. Наверху, у оснований, отростки были толщиной с предплечье взрослого мужчины, а на концах истончались, сходили на нет.

Непонятные конечности упруго извивались, двигались во все стороны... Явно намеревались нащупать сержанта.

На краю ямы появлялись новые и новые отростки, тоже стремились вниз.

Щупальца, решил Багиров, хотя ничего общего с конечностями осьминогов или кальмаров извивающиеся пришельцы не имели. Скорее уж отдаленно напоминали земляных червей-переростков – тоже состояли из кольчатых сегментов.

Багиров замер, не зная, что предпринять. Перестрелять всю эту ораву – патронов не хватит... Но если наверху одно существо, если отростки тянутся от его тела...

Нет, рискованно... Тело может быть и в метре от ямы, и в десяти...

Тут кончик щупальца-отростка – тонкий, на вид не очень опасный – натолкнулся на один из кольев. Захлестнул, обвил тремя витками, – и сломал толстый кол, как спичку.

Багиров решил, понял, что точно так же может сломаться его шея, и бронежилет не спасет.

Сдернул с пояса ручную гранату – последнюю, осколочно-фугасную. Взрыватель был заранее ввинчен, всем уставам вопреки. Он выдернул чеку, но не спешил с броском, удерживая пальцем предохранительный рычаг.

Вспомнил ни к селу ни к городу, как несколько лет назад браконьерничал с ребятами на Кольском, на речке Печенге, – швыряли в воду такие же гранаты, иногда даже всплывало что-нибудь съедобное. Эх, сюда бы ящик тех гранат да взвод тех ребят...

Наконец он дождался момента, когда в движущейся мешанине отростков образовался подходящий просвет – и аккуратно подкинул гранату по крутой параболической траектории, тщательно рассчитанной.

Граната упала, где и планировалось, – метрах в пяти от края ямы, с той стороны, откуда лезли щупальца. И рванула, как полагается.

Осколки Багирова не зацепили, да и не могли зацепить, но большие и малые комки земли в яму падали обильно. И не только земли... На щиток шлема плюхнулось что-то мерзкое, слизистое, полужидкое, – и тут же растеклось, закрыв обзор. Воняло так, что фильтры оказались бессильны, а запах, стоявший в логове трехглазой твари, мог теперь показаться изысканным ароматом.

Когда Багиров кое-как протер щиток, ни единого отростка в яме не осталось... Все закончилось? Похоже, да. Датчик, временно реабилитированный, никого живого в округе не отметил.

...Рассвет он встретил в той же позе. Не спал – организм шагнул за ту грань, когда потребность в сне исчезает. Случается такое, когда не за горами вечный сон.

Действие инъекции закончилось. Болела сломанная нога, болело все. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Он лежал и тупо следил за часами. Секундная стрелка отмотала тридцать кругов, Баг протянул руку к автомату, прислоненному к стене ямы, – сил поднять оружие не оставалось. Дернул спуск. Грохнул одиночный выстрел, пуля чиркнула по земляному откосу и улетела в небеса. А сержант снова начал старательно отсчитывать круги секундной стрелки – на минутную и часовую он специально не смотрел, чтобы осталось хоть какое-то занятие...

Все чаще появлялась мысль – не тратить патроны на бессмысленную пальбу, а засунуть дуло в рот и дотянуться до спуска. Потому что стреляй в воздух, не стреляй – никто не придет. Незачем здешним охотникам рисковать, проверяя такие ловушки, – ни шкурой, ни мясом съедобным не разживешься, только вонюю надышишься...

В ушах звенело все сильнее, и шаги Багиров не расслышал. Услышал сразу голос – надтреснутый, дребезжащий, с нерусским странным акцентом.

– Эй, человек в земле... – прозвучало сверху. – Давно здесь сидишь?

Сержант попытался ответить, не получилось, и тут же услышал другой вопрос:

– Стрелять не будешь сейчас, да?

Он размял спекшиеся губы и со второй попытки хрипло выговорил:

– Не буду стрелять... Ни в коем случае...

Часть вторая

Тундра не любит слабых

1. Чудеса туземной медицины

На кол двухметровой высоты был насажен череп – старый, выбеленный временем и дождями. Не человеческий – вытянутые вперед челюсти, клыки изрядных размеров. Волк, решил Багиров. Матерый волчина...

Он недоумевал, зачем Иван привел его сюда. Может, это тотем такой местный? Либо, того хуже, олицетворение местного божка? И надо отблагодарить этого Мумбу-Юмбу или Отца-Волка за чудесное исцеление? Заниматься идолопоклонством сержант не был настроен категорически. Грех, и тяжкий, куда страшнее пропущенного намаза...

Но и выглядеть неблагодарной скотиной не хотелось. Поэтому Баг решил остановиться на компромиссном варианте: если получит назад свое снаряжение, то придумает, чем расплатиться с Иваном. А тот уж пусть со своей Мумбой-Юмбой поделится, как сам пожелает: или молитвой, или чем-то более существенным. Здорово придумал: и овцы целы, и волчий череп сыт.

Придумал-то хорошо, но совершенно зря, как выяснилось. Потому что Иван показал на череп и спросил:

– Разбить его можешь, да?

– Зачем? – изумился Багиров.

– Так надо, – сказал Иван свою стандартную фразу, произносимую им, когда абориген что-либо не желал объяснять.

Багиров знал: если долго изводить Ивана вопросами, иногда все-таки можно добиться более развернутых ответов, а иногда все той самой фразой и заканчивалось... Но сейчас не тот случай, чтобы упорствовать и выпрашивать: идола-мазохиста, которому поклоняются таким странным способом, сержант представить не мог.

Разбить? Да без проблем... Костяшка старая, органических веществ в ней почти не осталось, значит – хрупкая... Он подошел, примерился.

– Не так, – запротестовал Иван, – ногой разбить. Можешь, да?

– Ногой?

– Да.

– Не снимая с кола?

– Да.

Теперь понятно – проверка, тест... На ногу сержант наступал уже без опаски, но не более того. И уж всяко давненько не занимался тренировками по рукопашке...

– Правой ногой? – уточнил Багиров.

– Да, – кивнул Иван, не балуя разнообразием ответов.

Эх-х-х... Была не была... Сержант подпрыгнул и вмазал черепу от души – словно в бою, словно надо было не просто нокаутировать партнера по спаррингу, а проломить кость и сломать позвонки, не оставляя за спиной живого врага.

Черепушка улетела высоко-высоко, но упала неподалеку. И видно было, что теменная кость разошлась, раскрылась большой трещиной, но совсем череп на куски все же не распался.

Нога вела себя идеально, словно и не ломал никогда. Багиров посмотрел на Ивана: ну как, дескать? Недотянул чуток... Слишком слабо костяшка на колу держалась, вот и ушла на ее полет большая часть энергии удара.

По лицу Ивана не понять, удовлетворило его испытание или нет. Но по этой аборигенской физиономии никогда и ничего не понять, даже возраст ее владельца. Видно, конечно, что не молоденький, но пятьдесят лет мужику или восемьдесят – не определить. Багиров как-то раз напрямую спросил его о возрасте, но Иван пустился в отговорки: не привык, мол, года считать... А может, и в самом деле не считал. Но какая разница... Главное – Ивану хоть сейчас можно присваивать звание профессора медицинских наук. Или академика.

До сих пор сержант с большим недоверием относился к чудесам народной медицины. И считал, что авторы тех «чудес»: недипломированные целители, бабки-травницы, аборигенские знахари и прочие филиппинские хилеры – с гарантией лечат лишь от двух хворей: от чрезмерной доверчивости и от излишков наличности.

Но тут попробуй-ка, останься скептиком... Всем скептикам сержант предложил бы свалиться в ловчую яму или иным способом сломать ногу – а потом попробовать залечить ее за три недели в самых что ни на есть полевых условиях. Даже не за три, быстрее, – сегодня календарь навигатора отсчитал ровно двадцать дней с начала новой эры, с находки вездехода «Старатель» и его батареи... А встал и пошел сержант – прихрамывая, осторожно наступая на правую ногу – на четырнадцатый.

С точки зрения науки, кость не могла срастись за такой срок. Она вообще не могла срастись правильно в том кривоватом лубке, что наложил Иван.

Однако срослась... Срослась правильно.

А все лечение – ежедневная кружка непонятного варева, получал сержант его горячим, прямо с костра, и тут же выпивал. Запах у поилы был мерзкий, вкус – под стать запаху, но ведь подействовало! Факт налицо, вон и доказательство на мху валяется, – расколотый волчий череп.

Иван исследовал череп внимательно: подошел, осмотрел со всех сторон, но трогать не стал. Вернулся и сказал:

– Хорошо. Ты большой человек.

На вид Иван был типичным аборигеном Севера – смуглый, скуластый, с узенькими щелочками глаз – и тем не менее по-русски он болтал очень даже неплохо, не сбиваясь в падежах и глагольных формах, хоть и чувствовалось по акценту, что язык ему не родной. Но словарный запас оказался невелик, и порой Багиров не очень-то понимал, что имеет в виду житель тундры. «Большой» – в смысле «здоровенный»? А «здоровенный» – синоним «здорового»? Поди пойми... Хотя сержант и в самом прямом смысле большой в сравнении с Иваном, невысоким и сухоньким. В том веса хорошо если пятьдесят кило наберется, а если в баню сводить и помыть хорошенько, – останется и того меньше.

– И что теперь? – спросил Багиров.

– Обратно пойдем, – ответил Иван, хозяйственно выдернув кол из земли и положив на плечо.

Обратно – значит, на стоянку Ивана. Всего за пару сотен шагов от нее проходило испытание, так что обратный путь не затянулся.

Стоянка располагалась в небольшом распадке и выглядела причудливо – полное смешение эпох и стилей. Палатка бросалась в глаза сразу, приковывая внимание яркой расцветкой. Большая, двенадцатиместная как минимум. Не новенькая, годов семидесятых прошлого века, когда бродили еще по северным диким краям геологи, рассчитывая отыскать что-нибудь не найденное или пропущенное предшественниками. Даже туристы беспечно бродили – и никто их не трогал. Ядовито-синий цвет старая палатка сохранила в первозданном виде, такая уж ткань техперлон, неуничтожимая, почти вечная.

Как выяснилось позже, второй слой ткани, теплоизолирующий, тоже неплохо сохранил свои свойства. Десяток людей вполне мог не замерзнуть в палатке и зимой, без отопления,

лишь за счет тепла, выделяемого телами. Одиночке в мороз пришлось бы хуже, но в прохладные летние ночи можно было спать, не рискуя очоченеть к рассвету.

Палатка прямо-таки была по зрению, наотмашь, – и оттого стоявший несколько в стороне чум бросался в глаза не сразу, выглядел спрятавшимся, притаившимся. А может, и не чум, раньше подобные жилища сержант видел только на картинках да по стерео. Но как еще назвать сооружение из жердей, прикрытых шкурами? Багиров других названий не знал и остановился на чуме.

Третья постройка была нежилой, хозяйственной: погреб, выкопанный в склоне распадка. Хотя погреб – громко сказано, не то нора, не то дыра в земле, вместо двери – овальный щит, сплетенный на манер корзинки из здешних «деревьев» и с наружной стороны тоже обтянутый шкурой. Сержант в погреб не совался, не ровен час – тряхнет как следует, да и похоронит заживо под слоем мерзлой земли. Подземные толчки за время, проведенное на стоянке Ивана, случались как минимум дважды – но несильные, едва заметные.

Как минимум – потому что первые три-четыре дня сержант помнил смутно, обрывками. Как нашел его Иван – помнил хорошо. Как добирались сюда – уже кусочками, отрывочками, порой открывал глаза и видел, что путешествует почти с комфортом, на волокуше, сложенной из веревки, брезента и тех самых кольев, из ямы вынутых... А тащит волокушу рогатая скотинка, на вид – типичный северный олень, но Иван звал его на свой манер – учагом.

А вот как сержант покинул яму – загадка природы. Не сам, понятное дело, он в тот момент ложку бы до рта не донес, так обессилел. Иван вытащил на веревке? Мужика, весящего в два с лишним раза больше? Хм... Ну разве что впрягся в ту веревку на пару с учагом...

Жил Иван в своем крохотном стойбище в одиночестве (до появления Бага, разумеется). Трудно, почти невозможно одиночке выжить в тундре, но Иван жил. Обитал в чуме, а палатка на время превратилась в госпиталь для сержанта Багирова. В чум хозяин Бага не приглашал. Не то чтобы так вот прямо запретил туда входить, но не приглашал. Без приглашения же соваться не хотелось. В результате в жилище из шкур сержант побывал один-единственный раз, причем как раз в те дни, о которых мало что помнил... А может быть, пригрезился тот визит, больно уж странным оказалось то, что увидел внутри Багиров...

И еще один момент не помнил сержант: точно ли хозяина зовут Иваном? Именно так он и представился? Или сам сержант его окрестил, не в силах выговорить заковыристое местное имечко? Момент знакомства абсолютно выпал из памяти. Называл ли он свое имя, сержант тоже не помнил. В любом случае Иван к нему по имени не обращался. И по фамилии не обращался. И по прозвищу Баг тоже. Никогда. Пару раз, не больше, употребил другое прозвище: «человек снизу». Ясное дело, такой вот тунгус что-нибудь незнакомое увидит – тут же обзовет по-своему. Багирова увидел, когда тот в яме лежал, внизу, – вот и получилось имя для нового знакомого.

Прояснить вопрос с настоящим именем Ивана сержант уже пытался. И получился такой примерно разговор:

– Как зовут, да? По-разному зовут, нганасаны так зовут, долганы иначе... Ты Иваном зовешь.

– Так кто ты на самом-то деле?

– Человек.

– Ясный хрен, что не лемминг.

– Настоящий человек, – немного подумав, внес Иван уточнение.

– А я, значит, резиновый... Скажи лучше, что у тебя... – начал было Багиров и осекся.

Спрашивать, что за имя у Ивана прошито в электронном удостоверении личности, показалось вдруг верхом глупости. Иван и всевозможные «балалайки» с «таблетками» существовали в разных эпохах и разных измерениях. Не пересекающихся.

Вот и поговорили...

Чем занимался Иван в то время, когда ему не попадались нуждающиеся в спасении и исцелении сержанты, тоже неясно. Багирову представлялось, что у аборигенов Севера только два главных занятия: охота да оленеводство.

Олени у Ивана имелись, но слишком их было мало, чтобы претендовать на статус оленевода. Пять голов или шесть паслись неподалеку в тундре совершенно диким образом, без загона, без привязи. При нужде – съездить к роднику за водой, например, – Иван подзывал животных. Даже не то чтобы подзывал – не свистел, не кричал призывно, а... В общем, как-то само получалось, что при нужде учаг оказывался неподалеку, возле чума.

Охотой Иван тоже не занимался. По крайней мере за все время, что провел с ним Багиров, не охотился ни разу. Если не считать охотой историю с ловчей ямой... Иван от ловушки всячески открещивался: не копал, дескать. И про трехглазую зверюгу якобы ничего не знал, не ведал. Ну а труп-то чудища со щупальцами у ямы видел? Не видел. Какой-то дрянью все было залито, забрызгано, но никакого трупа. Нехорошее место, нельзя туда ходить.

И Багирову казалось, что Иван ему врет. Или, по меньшей мере, рассказывает далеко не все, что мог бы рассказать о диковинном происшествии.

Сержант пытался описать то, что сумел разглядеть из ямы, рассказывал про вой, про преследование по болотам, но Иван лишь качал головой:

– Не живут такие звери в тундре. Песцы живут. Волки живут. Олени жили, но теперь совсем плохие стали. Больные, из десяти одного кушать можно...

Лишь много дней спустя сержант Багиров понял, что абориген ему не врал ни единым словом. Но сам Баг не совсем верно ставил вопросы... И не совсем верно понимал ответы...

Однако, как ни толкуй странную историю с ловушкой и тварью (или двумя тварями), главного это не меняло: охотой как промыслом, как способом прокормиться, Иван не занимался.

И с чего жил непонятно. Питались они с Багировым исключительно запасами из погреба – кашеварил всегда хозяин стойбища, варил в котле не то густой суп, не то гуляш: попадалось там и мясо, и корешки всякие, и грибы, и даже ягоды сушеные – разварившиеся, набухшие. Сытно и вкусно, но уже чуточку приелось.

Вот и сейчас, после прихода с испытания, Иван разогрел над костром свое варево, разлил в два помятых алюминиевых котелка, один протянул сержанту. Сам он никогда на виду у гостя не ел, уносил котелок в чум.

– Хорошо кушай сегодня. Еще захочешь – еще дам. Потом отдыхай хорошо. Сил завтра много надо.

– Что делать будем?

– В город пойдем.

– Город?! Да где ж тут город? Это сколько ж топать!

– Недалеко пойдем, – успокоил Иван. – Утром выйдем, вечером придем. В город придем.

Сержант Багиров так и сел... Натурально приземлился пятой точкой на мох. Ладно хоть котелок с варевом сумел не расплескать.

2. Неназначенные встречи

Лифт не работал, домой я вернулся как раз к плановому отключению электричества, только зашел в подъезд – тут и вырубili.

Но я не стал проклинать судьбу, электриков и сетовать, что лишь каких-то пяти минут не хватило для комфортного путешествия на двенадцатый этаж. Не беда, прогуляюсь по лестнице, ноги не заболят и не устанут... А времени у отставника навалом, оба намеченных на сегодня дела выполнены. Первое и главное результата, правда, не принесло, но это уже другой вопрос.

А поначалу казалось, что сложится все удачно... Кадровик, после знакомства с моим резюме приславший приглашение на собеседование, беседовать со мной не стал. Сразу отправил к вице-директору, ведавшему безопасностью. Хороший признак... Вице-директор не томил в приемной, принял сразу (еще один хороший признак) и оказался из своих, из бывших. Не спецназ и даже не строевик, из штабных, но все-таки носивший погоны человек всегда лучше поймет другого отставника...

И казалось, что взаимопонимание действительно пришло очень быстро. Вице-директор последние вопросы задавал уже явно для проформы, и для проформы слушал ответы, и для проформы искоса поглядывал на экран – не знаю уж, какие не сообщенные в резюме и беседе факты обо мне содержало ползущее по экрану досье, я ничего не скрывал (из того, о чем имел право рассказывать), и медицинские свои проблемы тоже – с них, собственно, и начал, чтобы не терять в случае чего зря время.

Вице-директор даже достал планшетку и стило – для меня, надо полагать, для собственного заявления о приеме...

А затем что-то случилось. Планшетка исчезла. Вице резко поскуучнел. И скучным-скучным голосом сообщил мне, что кандидатура моя, на его взгляд, самая подходящая, но один он такие вопросы не решает, дело мое будет рассмотрено коллегиально, и о принятом решении мне сообщат в недельный срок...

Каким окажется решение, я не сомневался. Поднимаясь по темной лестнице на двенадцатый этаж, ломал голову над другим: что же он там вычитал, на своем экране? Мнение подполковника-мозговеда – что бы он там ни наболтал коллегам на консилиуме – в официальные документы ЦВГ не попало, о чем мне донесла разведка в лице Милены. Тогда что?

От унылых воспоминаний о сегодняшнем фиаско и размышлений о его причинах меня отвлек непонятный звук, раздавшийся сверху, из темноты, – негромкий щелчок.

В прежней жизни я очень не любил такие вот непонятные щелчки, ни с того ни с сего раздающиеся рядом, и реагировал на них рефлексивно. Потому что щелкнет, например, взрыватель излюбленного оружия наших сепаратистов – самопальной натяжной мины, сложенной из ручной гранаты, – и через три секунды граната взорвется, наполнив воздух своими поражающими элементами. Заодно напиговав ими дураков, считающих, что лучше сначала разобратся с природой щелчка, а уж потом залегать...

Но жизнь наступила мирная. Я не распластался на ступенях, цыкнув на свои рефлексии: нашли, дескать, место и время. Мало ли что тут может щелкнуть? Шахта лифта за тоненькой стенкой, и там навалом всяких реле и прочей машинерии, сейчас остывающей и пощелкивающей...

Рефлексии мне достались упрямые. И живучие – несколько месяцев на больничной койке им нипочем. Упорно твердили свое: не будь дураком, Мангуст, не то быстро превратишься в мертвого дурака.

Сверху послышался еще один звук. Списывать его на шахту уже не получалось, поскольку больше всего звук напоминал тихий шорох одежды. Кто-то там был, в темноте. И поджидал меня. Или не меня, а кого-нибудь другого, случайно сюда забредшего, – вообще-то жильцы

верхних этажей расписание отключений знают назубок и стараются планировать свои приходы и уходы так, чтобы пешком не топать. Но жизнь полна случайностей и ломает любые планы.

Позиция поджидавшим (или поджидавшими) была выбрана с умом. Совсем уж непроглядная тьма здесь не стояла. Окна на лестнице отсутствовали в принципе, дом строили в те времена, когда любое длительное отключение электричества в столице почиталось за ЧП. Но на каждом четном этаже тускло мерцала лампочка аварийки. Мрак эти лампочки рассеивали кое-как, однако на двух ближайших к ним пролетах мимо ступеньки не шагнешь.

Темнее всего, соответственно, было на этажах нечетных. Именно там, на седьмом, кто-то затаился... Его или их не разглядеть, а я освещен сзади, словно подсвеченная мишень в тире. Весьма малоподвижная мишень, увы.

Я остановился. Ничего не происходило. Обитатель темноты никак и ничем себя не проявлял.

Оружия у меня не было. Импульсный разрядник, разрешенный к ношению от щедрот лицензионно-разрешительной комиссии, лежал дома. Не было оружия и это не оружие – парализовать нападавшего он мог с расстояния в метр, не больше. Обещали после двухлетнего испытательного срока выписать бумажку на боевое. Надо же проверить, не начну ли я грабить банки с этой дамской щекоталкой...

Ситуация становилась глуповатой. Я стоял и пялился в темноту. А из темноты кто-то рассматривал меня. Профессионал давно бы положил меня из бесшумки и сейчас как раз заканчивал бы выворачивать карманы застреленного, имитируя ограбление... Но прошли те времена, когда за Мангустом охотились профессионалы.

Достал из кармана связку ключей – тоненькие полоски ферромагнетика на ней соседствовали с ключами металлическими, от механических замков, охранявших мое жилье при отключениях. Механические, разумеется, не остановят профессионала-домушника, но работают профи по наводке, а у меня и взять толком нечего... Еще на связке имелся фонарик-брелок. Батарейка в нем давно села, но обитатель темноты догадаться о том не мог.

Я сделал вид, что сейчас направлю лучик света вверх, на неосвещенную площадку, – и блеф сработал. Темнота ожила: вновь послышался шорох одежды, ему вторил быстрый неразборчивый шепот... Затем прозвучали шаги – уже демонстративно громкие. Три пары ног уверенно топали по ступеням.

Комитет по моей торжественной встрече наконец-то выдвинулся на освещенную авансцену, – двоих я видел хорошо, третий предпочел остаться в темноте, за спинами коллег. Вместо хлеба-соли и хотя бы цветов члены комитета держали в руках ножи.

Я мысленно снял шляпу перед своими рефлексам, не позволившими мне оказаться на площадке в «коробочке». Здесь, на узкой лестнице, куда меньшее значение имеет численное преимущество одной из сторон и ограниченная подвижность второй.

Профессионал... Бесшумка... Тьфу. Банальный гоп-стоп. Волна уличной преступности докатилась-таки и до меня. Вернее, в данном случае волна подъездной преступности, что сути дела никак не меняет.

Лица встречающие прикрыли какими-то темными тряпками – значит, до конца, до мокрухи идти не готовы... Еще раз тьфу.

– Не спеш, дядя. Разговорчик есть деловой, – обратился ко мне гопстопщик, поигрывая ножом изрядных размеров.

Лица не видно, но судя по голосу – парень лет двадцати пяти или тридцати. Здоровый и плечистый, но манера держать нож свидетельствуют: никакой серьезной подготовки этот организм не имеет. А нож... По задумке тесак должен был выглядеть грозно, а выглядел смешно. В прежней своей жизни клинок служил рессорой от мобиля или чем-то схожим, а затем превратился в «похожий на нож предмет» трудами старательного, но неумелого оружейника-самопальщика.

– Говори, – поощрил я, прокачивая второго.

Второй – невысокий, коренастый – был вооружен лучше. Не самоделка – фирменный нож-кастет с выкидным лезвием «тополиный лист». В умелых руках может натворить дел... Но не в этих. Никогда грамотный человек не разместился бы так бестолково – с одной стороны мешают перила, с другой – собственный напарник.

Третий оставался величиной неизвестной. Иксом в уравнении. Икс мог держать меня под прицелом, для чего и разместился на лестнице значительно выше коллег. Я не сильно опасался выстрела, не того замеса публики, но возможность такую надо учитывать.

– У тебя, дядя, пенсия очень большая, – завел речь детина и для пущей доходчивости развел руки, показывая, какая большая у меня пенсия. – Домой донести трудно. Отберут, не ровен час.

Вот как... Не случайность – наводка. Я без особого интереса подумал: где сидит их наводчик, в собесе или соцбанке? Наверное, в банке. Клерки собеса не могли знать, что я решу получить сегодня наличкой ежемесячную выплату.

Плечистый продолжал:

– Ну так вот... Мы тебя, дядя, стеречь подражаемся. Чтобы, значит, из банка домой ходить не боялся. Половину нам – зато даже муха не подлетит. По рукам? Отслюнявь нам сразу аванс – и гуляй на квартиру, через месяц свидимся.

– Заманчивое предложение, – покивал я. – Но вынужден отказаться. Так что валите-ка отсюда, охраннички.

В былые времена такая ситуация решалась как шахматная задачка для начинающих – Мангуст начинает и выигрывает, шах и мат за полтора хода. А теперь мне приходилось провоцировать гопстопщиков на сближение... Потому что если они развернутся и побегут – ничего не смогу сделать.

Спровоцировал. Оба шагнули вперед, но загадочный третий икс так и остался в темноте...

– Крутым себя считаешь, дядя? – грозно спросил плечистый; ему казалось, что грозно.

Рука с тесаком двинулась вперед, явно ее владелец собрался приставить мне клинок к горлу или сотворить нечто не менее глупое... Не успел. Я сломал ему руку. Глаза верзилы распахнулись широко-широко. Не от боли – сигнал от болевых рецепторов дойдет до мозга чуть позже – от безмерного удивления. Верзила не понимал, отчего его запястье, вроде бы легонько схваченное тремя пальцами, вдруг повисло, изогнувшись под прямым углом...

Любоваться изумлением противника времени не было. Потому что второй продемонстрировал неплохую реакцию и попытался полоснуть меня по ребрам. Я только и успел подставить локоть, платой за чудовищную силу правой руки стала ее относительная медлительность...

«Тополиный лист» идеально подходит для нанесения неглубоких резаных ран, после которых остается лишь дождаться, когда противник обессилеет от кровопотери. Бритвенно-острое лезвие легко рассекло рукав. Рассекло кожу и... И удар застыл, металл заскрежетал о металл. Никогда не встречался с киборгами, парень? Ну тогда смотри, на что они еще способны...

Не знаю, что он успел рассмотреть за время своего недолгого полета... Но почувствовал в полной мере – рухнул на площадку у меня за спиной, голова хрустко ударилась о железобетон... Если везучий, выживет.

Верзилу достал-таки болевой шок... Глаза его закатились, словно пытались увидеть что-то внутри черепа. Затем мой несостоявшийся охранник начал падать. Неторопливо, словно рушащееся дерево. Вперед, прямо на меня. Я поддержал, не дал загреметь по ступеням, – не из человеколюбия, в данный момент излишнего, просто прикрывался верзилью от третьего и от его возможного выстрела.

Но нет, икс оказался самым умным из всей троицы... Загрохотал подметками вверх по лестнице. Такое развитие событий меня не устраивало – ни забег на скорость, ни возможная впоследствии вендетта с местной гопотой, – но помешать я ничем не мог. Разве что...

Связка ключей так и оставалась в моей левой руке... Я перегнулся через перила, выждал, когда силуэт беглеца появится в свете, сочащемся с восьмого этажа. Бросок! Есть, попал! Точно в голову!

Бег прекратился, и я торопливо – насколько мог торопливо – пошагал вверх. Хотя метательный снаряд достаточно увесистый, все же надолго отключить беглеца его попадание не могло. Но каков бросок, а? Большое расстояние, крайне сложная траектория, минимальное время на подготовку. Подвигами моей правой руки гордиться нечего, пусть ими кудесники из ЦВГ гордятся, а вот этим – можно...

...Третий никакого оружия не имел, ни холодного, ни огнестрельного. И лицо под тряпкой не прятал. И вообще оказался женщиной. Миль пардон, мадам, – на войне как на войне, но и на гоп-стопе всякое случается. Никто вас силком не тащил полюбоваться, как дружки будут ошипывать лоха.

Боевая подруга гопстопщиков выглядела лет на тридцать с изрядным хвостиком. На деле, вероятно, была младше, чем казалась, – регулярное и обильное употребление спиртных суррогатов женщин не молодит...

Добавлять ей, как планировал, я не стал. Оклемается и унесет отсюда ноги – пусть считает, что повезло. А вот коренастому не повезло, и никогда уже не повезет. Хватило одного взгляда на его нелепо вывернутую шею, чтобы понять: приземление стало фатальным, медицина бессильна.

Объясняться с муниципальными правоохранителями не хотелось. У них с моей бывшей конторой вечно какие-то конфликты, терки-разборки, – не решились бы отыграться на офицере-отставнике.

У верзилы в кармане отыскался коммуникатор – я поставил его на непрерывный вызов оперативного дежурного по городу, пусть пеленгуют, приезжают и разбираются. А мне в ближайшей перспективе стоит плюнуть на экономию и поискать жилье в более благополучном квартале, с охраняемыми подъездами. Во избежание.

Ну и денек выдался, размышлял я, добравшись на свой двенадцатый и отпирая дверь. Первая пенсия, первый жмурик, собственноручно сотворенный на гражданке, первая попытка получить достойную работу, – и первый облом... Первая рана, кстати. Проверим, действительно ли искусственная кожа так быстро самовосстанавливается, как мне обещали эскулапы.

Но на сегодня новых впечатлений хватит, вечер проведу спокойно и тихо, как подобает отставной старой перечнице.

Шагнув в темную квартиру, я понял, что денек выдался и в самом деле незаурядный, да только он еще далек от завершения... Потому что совсем темной квартира не была – из-за двери гостиной пробивалась неяркая полоска света.

– Не стой столбом, – услышал я знакомый голос. – Проходи, присаживайся, чувствуй себя как дома.

Я тяжело-тяжело вздохнул. Голос принадлежал генерал-полковнику Кравцову...

Давненько не виделись.

3. Если гадаешь по костям, пусть это будут кости врагов

– Что же ты, хрен тундрючный, раньше-то про город молчал? – ошарашенно спросил Багиров.

– Нельзя. Нога зажила – можно. Тундра слабых не любит.

После секундного раздумья сержант признал правоту Ивана. И в самом деле, не стоило... А то он живо поковылял бы к городу, как только бы смог ковылять, и один Аллах ведаёт, чем бы такая поспешность завершилась... Тундра-то да, она такая... даже сильных и здоровых кушает, не подавившись.

– Что за город? Как называется?

– У него нет имени. Плохой город.

Сержант решил, что почти всё понял в смутном ответе. Во вселенной Ивана других городов не существует, этот единственный, и собственное имя ему ни к чему. И плохой он, ясный хрен, – ничего хорошего нет для сына тундры в городском укладе жизни, особенно в нынешнем... Хотя в каком еще городском? Ивану в здешнем безлюдье любой захудалый поселок мегаполисом покажется.

Что городов в здешних краях до Дня Станции не было, лишь поселки да фактории, Багиров знал точно. А после Катаклизма какое уж строительство... Дело в том, что сержант наконец-таки определился со своим местоположением, хоть и весьма приблизительно.

Произошло это так.

Едва оклемавшись, не встав даже на ноги, Баг начал допытываться у хозяина стойбища: где, собственно, это стойбище расположено?

Поначалу расспросы и ответы никакой ясности не внесли. Русские якобы называли здешние места просто-напросто тундрой. Про Печору ничего Иван не знал, даже слова такого не слышал.

Позже Багиров предпринял вторую попытку: справляясь у навигатора, называл новые и новые населенные пункты Коми, забираясь по карте все дальше к северу, – Иван лишь отрицательно качал головой. Ничего ему эти названия не говорили. А сержанту ничего не говорила местная топонимика, сообщаемая Иваном... Но потом мелькнуло нечто знакомое. Багиров без особой надежды поинтересовался названием гор – их здешнее, аборигенское название сориентироваться не помогло бы... Однако вышло иначе.

– Там Бырранга, – сказал Иван, и название показалось сержанту смутно знакомым. – Плохое место. Людям нельзя ходить.

Где-то и когда-то сержант слышал это название – Бырранга... Но где, когда и по какому поводу – решительно не вспомнить.

А если слышал... Он не стал мудрствовать и насиловать свою память – заглянул в алфавитный указатель навигатора. Нашлась Бырранга!

«Горная система на п-ве Таймыр, самая северная в России, – лаконично сообщил навигатор. – Страна Мертвых в верованиях местных народов».

Далее следовала ссылка на раздел лоции, посвященный Восточной Сибири. Увы, сам раздел отсутствовал, и карта Таймыра – тоже. – Память у приборчика не безграничная.

– Там Страна Мертвых? – спросил Багиров для проверки.

Мало ли какие бывают совпадения названий. Однажды батальон «Гамма» целую неделю квартировал в поселке Генуя, стоявшем на речке с одноименным названием. Жители, надо полагать, поголовно генуэзцы. Причем дело происходило не на солнечных Апеннинах, а гораздо ближе, в паре сотен верст от Питера.

– Страна Мертвых, – подтвердил Иван. – Живым нельзя.

– А все это, – Багиров повел вокруг широким жестом, – называется Таймыр?

– Долганы называют Туой Муора, нганасаны – Таа-Мирэ, а вы, русские, – Таймыр...

Сержант Багиров не удивился. Он и сам не заметил, когда у него закончилась способность удивляться. Может быть, вместе с НЗ. Может быть, в яме, вместе с последними ручными гранатами... Мозг констатировал странные и невозможные вещи, отмечал их, – а удивления не было. Таймыр – так Таймыр. За тысячи километров от Печоры – значит, за тысячи. Угодил сюда каким-то невероятным образом – значит, угодил. Если люди тут как-то живут, попробует выжить и он. Если как-то отсюда выбираются – попробует выбраться.

А теперь вот нечто новенькое – город на Таймыре. Сержант попытался добиться от Ивана, что за власть в том городе. Российская? Или сибирская, сепаратистская? Не преуспел. Сибирь и Россию абориген не различал абсолютно, а про город твердил одно:

– Плохое место. Не должны там люди жить.

Наконец Ивану надоели расспросы, он взял свой котелок и пошагал к чуму, напоследок сказав:

– Кушай еду. Остынет.

– Снаряжение верни, – попросил уходившего Багиров.

Иван ничего не ответил, исчез в чуме. Вопрос со снаряжением был... как бы помягче сказать... несколько болезненным. Когда сержант окончательно пришел в себя, он лежал в палатке, закутанный в местные меховые одежки и одеяла, ну прямо натуральный абориген на привале. Ни формы, ни оружия, ни снаряжения... Как Иван его раздевал и куда прибрал все имущество, Баг не помнил.

Позже, когда начал вставать, получил от хозяина обувь и ункомб – причем, что характерно, отчищенный от земли и той пакостной жижи, что полетела в яму после взрыва гранаты. Обрадовался – с универсальным комбинезоном свыкся, как со второй кожей. Да и первая, знаете ли, за месяц без бани затоскует, – Иван, похоже, водные процедуры считал излишеством, жил по принципу: грязь толще трех сантиметров сама отвалится. При таких делах спасти может только сменная подкладка ункомба, впитывающая грязь и пот (носят его без белья, на голое тело). Рано или поздно подкладка забьется и впитывать перестанет, но имелась запасная, а к тому времени, когда и та отслужит свое, сержант рассчитывал добраться до людей с более привычными понятиями о гигиене...

Еще через пару дней Багиров попросил обратно оружие – негоже, дескать, ночевать в здешних местах невооруженным. Хозяин успокоил: спи спокойно, место хорошее; у него, как видно, все места делились на две категории: хорошие и плохие. Сержант настаивал. Иван пожал плечами и принес в палатку автомат, два магазина к нему (один из них неполный), три гранаты к подствольнику и нож с обломанным кончиком. Весь небогатый арсенал.

Сержант несколько успокоился. Не то чтобы он опасался, что его здесь ограбят, – обобрать проще было беспомощного в яме, там и оставить. Да и вообще Иван казался человеком *правильным*... Но кто знает, какие тут бытуют обычаи? Может быть, имущество спасенного принадлежит спасителю на вполне законных основаниях?

Для проверки Баг попросил навигатор (пришлось долго растолковывать, что это). Иван вернул. Баг попросил аптечку (такое слово оказалось хозяину знакомо). Иван наотрез отказал. Нельзя, дескать, лечению помешает.

Сержант решил отложить окончательное решение вопроса на потом. Что при нужде сумеет получить свое силой, не сомневался. Но портить отношения ни к чему.

Отобедав, Багиров послушно отдыхал и набирался сил. Заодно монотонно гонял десантный нож по камню-голышу, подобранному в верховьях распадка, – пытался заострить обломанный кончик. Молекулярная заточка поддавалась примитивному точилу очень плохо, но постепенно импровизированная отвертка снова превращалась в боевой клинок.

В палатку просунулась голова Ивана.

– Пойдем.

Багиров пошел, не спрашивая куда.

Тактический комплект «Рысь-14» лежал на сухом склоне распадка, вокруг – все причиндалы, к нему прилагающиеся. Все на месте, все цело. И шлем, и броник чистые, ни следа той мерзко воняющей гадости – не то крови чудища, не то того, что заменяло ему кровь...

– Забирай, – коротко велел Иван.

Багиров не удержался, тут же активизировал аптечку в режиме диагностики. Перелом и даже следы перелома электронный доктор не обнаружил, но не удивился ввиду отсутствия такой функции. Мало того, не обнаружилось никаких следов огромной гематомы, вызванной внутренним кровотечением, – а от нее, по науке, Багиров сейчас бы умирал даже без всякого перелома, умирал бы в муках, криком заходясь от болей в ноге, распухшей, как бревно. Ай да Иван, ай да светило туземной медицины!

Распихивая имущество в карманы, кармашки, чехольчики и держатели, Багиров засомневался: получается, что Иван кормил, поил, лечил его бесплатно? Да еще и обстирывал? И снаряжение отчищал?

Надо отблагодарить, отдариться, а то не по-людски как-то... Но что выделить из небогатых запасов, сержант не знал. Оружием и боеприпасами поделиться никак невозможно. Вся электроника Ивану ни к чему, тем более почти разряженная.

Тяжко вздохнув, Баг решил пожертвовать оставшиеся в аптечке карпулы, подробно растолковав, что означает цветомаркировка на каждой. Вздохнул еще раз и решил добавить минилебедку. Тридцать метров леера – тоненького, но слона на нем подвесить можно, – такая веревка в любом хозяйстве полезна, хоть в самом первобытном.

Жертвы оказались напрасными. От даров Иван наотрез отказался.

– Я тебе не для подарков помогал.

– А для чего?

– Так надо.

– Для чего надо? – настаивал Багиров.

Иван соизволил растолковать:

– Тебе силы нужны. Оружие нужно, все нужно. Ты в город придешь. Тебя убивать будут. А ты их убьешь.

Вот как... А он-то рассчитывал найти в городе (наверное, все же в поселке) помощь, связь с Большой землей, много чего рассчитывал найти... Хотя сценарий Ивана вполне реален, надо признать. Если сидят там сибиряки-сепаратисты, то чужака, да еще в форме «манула», прикончить постараются сразу, не задумываясь о том, как он здесь оказался и что замышляет. Но сержант надеялся, что в эти далекие края не дотягивается власть ни Питера, ни Новосибирска, что выживают тут люди сами по себе и уж как-нибудь он с ними столкнется...

– А если не будут убивать? – спросил Багиров.

– Будут, – с непоколебимой уверенностью ответил Иван.

Помолчал и добавил:

– Место плохое. Нельзя там жить, Страна Мертвых близко. Люди плохими становятся.

– Так где же этот город? У гор?

– Там, – показал Иван на юго-восток.

Сержант прикинул направление, прикинул расстояние, что можно покрыть за день пути... Город (что бы ни понимал Иван под этим словом) находился в южных предгорьях Бырранги, в местах холмистых, возвышенных.

– Убить всех можешь, да? Злой город. Нельзя никого оставлять.

Лихо... Перебить в одиночку или вдвоем население целого города, даже если на деле это поселок... А Иван-то хорош... На вид тихий-мирный житель тундры, а сам натуральный геноцид затеял устроить. Да еще чужими руками.

– Можешь, да? – допытывался Иван.

Сержант не стал ему морочить голову. Все-таки спаситель, и кто знает, какие старые счета здесь между жителями города и тундры. Может быть, потому и живет Иван в одиночестве, что всех родных и близких перебили городские. Но он, сержант Багиров, в местных разборках сторона нейтральная. Как говорится, свои дерутся, чужой не встревай... И если его не тронут, затевать бойню он не станет. Особенно с двумя неполными магазинами.

Примерно так он Ивану и объяснил свою гражданскую позицию.

Иван долго молчал, размышлял о чем-то. Может, придумывал какие-то новые доводы, способные убедить Багирова. Или сожалел о времени и усилиях, зря потраченных на сержанта, не оправдавшего надежд.

– Пойдем, – сказал Иван и пошел к чуму.

– Куда и зачем? – настороженно спросил сержант.

– Узнаем, что будет, – Иван откинул полог, пригнулся, нырнул внутрь чума, сделав Багирову приглашающий жест.

...Все-таки он здесь бывал... Или нет? Сержант не мог понять – вроде похож чум, а вроде и не совсем, вроде прошлый раз больше показался. Хотя ему в том состоянии могло что угодно показаться и примерещиться.

В прошлый раз (если он действительно был, тот прошлый раз) в чуме пылал небольшой костер – и пламя, и угли были неестественного зеленого цвета. Иван сидел неподвижно у огня, лицом к Багирову. Сержант лежал напротив, сидеть он не мог, на Ивана смотрел сквозь языки зеленого пламени, – и виделось ему, что происходят с лицом аборигена вещи странные: оно плыло, изменялись черты и пропорции, порой перед Багировым мелькал на мгновение лик ангельской красоты, чтобы тут же смениться уродливой страшноватой гримасой.

Даже этого хватало, чтобы придать наблюдаемой картине сверхъестественный оттенок.

Но Иван еще и пел, причем казалось, что на самом деле он лишь раскрывает рот под фонограмму. Высокий и чистый мужской голос – ничего общего не имеющий с надтреснутым тенорком Ивана, – выводил странные мелодичные трели.

Пение завораживало сержанта. Гипнотизировало. И почудилось, что на песню накладываются далекие голоса, подпевающие в унисон... По наклонным стенкам чума метались тени – черные, резкие, сплетаясь не то в схватке, не то в пляске. Что за тени? Откуда? Ведь оба, и гость, и хозяин, оставались неподвижны...

Что было потом, как он покинул чум, сержант не помнил. Позже, поразмыслив, решил: или все привиделось от начала до конца, или видения начались уже в чуме: швырнул Иван в огонь какую-то наркоту, зелье шаманское, и поползли глюки.

Так что сейчас держался Багиров настороже. Правоверным с такими штучками лучше не связываться, сам не заметишь, как вместо гурий в раю заработаешь огненную бездну Джиханнама... В чум он сунулся, любопытство одолевало, но решил: начнется что-нибудь подозрительное, тут же уйдет.

Но на сей раз все происходило буднично. Очаг в чуме не горел, освещалось жилище лишь сквозь отверстие дымохода. Не слишком ярко освещалось, и сержант толком не заметил, откуда хозяин выудил круглый и плоский металлический предмет, блестящий, надраенный, – не то щит, не то поднос. Разместил его горизонтально возле очага, на хорошо освещенном месте, тщательно выровнял.

Багиров присмотрелся и понял: не поднос, крышка от какого-то агрегата, приспособленная Иваном для своих надобностей, вон и следы от креплений остались...

А Иван уже достал второй предмет – небольшой кожаный мешочек, распустил тесемку, встряхнул несколько раз. В мешочке что-то глухо побрякивало. Быстрое движение – и содержимое посыпалось на металл. Фигурки, небольшие, цилиндрические, с фалангу пальца размером, вырезанные не то из кости, не то из моржового клыка.

Иван молча и внимательно изучал хаотичную на первый взгляд россыпь фигурок. Гадание, понял сержант. Местный эквивалент карт Таро и кофейной гущи. Проку от таких штук мало, но и вреда особого нет.

Он придвинулся поближе, присмотрелся. Фигурки напоминали шахматные, только у тех одно основание, а у этих две плоские закругленные поверхности, сверху и снизу. Между основаниями были вырезаны условно-стилизированные изображения людей и животных. Слишком уж стилизованные, по мнению сержанта. Оленя он кое-как опознал, в основном по ветвистым рогам, углядел пузатую рыбу, и вроде как зайца или кролика, в общем, кого-то ушастого.

Остальные персонажи остались неузнанными. Впрочем, не всех можно было хорошо разглядеть – одни фигурки встали на основания правильно, другие – вверх тормашками, третьи лежали на боку, полностью или частично прикрытые своими костяными собратьями. Багиров отметил, что костяшки разнятся не только изображениями, но и цветом – одни белые, словно вчера вырезанные, другие пожелтели в большей или меньшей степени. Некоторые, наверное, самые древние, приобрели почти коричневый оттенок.

– Тихо сиди, – предупредил Иван; руки его быстро-быстро замелькали, раскладывая и сортируя фигурки.

Одни он складывал обратно в мешочек, другие выстраивал рядами на двух противоположных краях крышки, как будто вознамерился сыграть в шахматы на круглой доске без клеток. Пальцы Ивана работали удивительно ловко, словно каждым из них управлял микропроцессор, рассчитывающий движение до микрона: ни разу, забирая из кучки фигурку, он не зацепил, не стронул с места соседнюю.

Вскоре сержант понял принцип сортировки: те фигурки, что встали правильно, оставались на месте, на край отправлялись перевернутые, в мешок – упавшие боком. Центральная россыпь постепенно уменьшилась в размерах, но порядка в ее расстановке, естественно, не добавилось.

Иван закончил переборку и теперь рассматривал ее результат так и этак, склоняя голову то к правому плечу, то к левому. Багиров, ничего не понимавший, больше поглядывал на хозяйина. Оказалось, что он впервые видит Ивана с непокрытой головой, ни разу до сих пор тот не стягивал с головы меховой капюшон... Или все же стягивал – тогда, во время пения у зеленого костра? Багиров не помнил, да и не поручился бы за точность тех воспоминаний...

Сейчас Иван откинул капюшон, распустил волосы, – оказалось, что они у него длинные, будто у женщины, и чем-то скреплены на затылке. Среди черных как смоль прядей резко выделялась одна, седая до снежной белизны, свисавшая за левым ухом. Едва ли это был признак солидного возраста, сержант знал: и у молодых изредка случается такая частичная седина, иногда после ранения в голову, иногда вообще не пойми от чего.

– Смотри, – негромко велел Иван, кивнув на получившуюся композицию. – Тихо сиди и смотри.

Багиров уставился на фигурки. Что тут можно высмотреть? Да что угодно, как на тестах у психологов, где хоть тресни, но разгляди в идиотских кляксах что-нибудь осмысленное.

Затем внимание Бага привлекла одна фигурка, стоявшая наособицу от остальных. Беленькая, совсем свежая, – и застывшая в неустойчивом равновесии. Наклонилась, словно собираясь упасть, да так и не упала. Соседние фигурки наклонившуюся не подпирали. Чудно... «Магнитик какой-то?» – подумал сержант и тут же отмел неуместную мысль. Скорее у резчика (у Ивана?) дрогнула рука и появилась у фигурки лишняя грань, маленькая, наклонная, – на ней-то и стоит.

– Ты, – негромко сказал Иван, взглядом показав на фигурку. – Человек снизу.

Багиров аккуратненько, стараясь даже не дышать слишком глубоко, наклонился и рассмотрел костяшку получше. Хотел возмутиться: да разве я такой?! Но не стал... Художники по-своему видят мир, понятное дело. Данный конкретный художник видел данного конкрет-

ного сержанта как голову с невероятно щекастой физиономией, словно разнесенной флюсом сразу с двух сторон.

– И что? – шепотом спросил Баг.

– Не видно, что будет. Про тебя не видно. Две дороги, вниз и вверх. По какой пойдешь, не видно.

– Так что делать? Как дорогу выбирать? – спросил Баг, не то чтобы он уверовал во всю эту хреномуть, но поневоле заинтересовался.

– Не спрашивай, – сказал Иван, немного помолчал и добавил совершенно нелогично: – Спрашивай.

Последнее слово он произнес изменившимся голосом, – низким, чуть ли не басом.

Сержант спросил:

– Дороги вверх и вниз – это в горы и к морю?

– Нет. В Верхний мир и в Нижний мир. В Рай и в Ад, если по-вашему.

Голос звучал по-прежнему низко, утробно. Сержант всмотрелся в лицо своего собеседника: глаза прикрыты, веки опущены, а рот полуоткрыт. Губы едва шевелятся, почти незаметно... Чревовещание натуральное.

– Я, пожалуй, Рай выберу, – сообщил Багиров.

– Не ошибись. Средний Мир сдвинулся и перепутались дороги. Ад может оказаться на месте Рая.

– Разберусь, – пообещал Баг. – А с городом-то что? Прояснилось дело?

– В городе смотри вперед и назад. Не ешь, не пей и не спи. И помни, что четыре глаза лучше, чем три, а железный человек опаснее железной птицы.

– Что, что ты там про глаза? – заинтересовался Багиров,

– Четырехглазого не убивай, он поможет убить трехглазого, – пробасил Иван.

– Сморчок ты тундряной... – возмутился Багиров. – А твердил, что слыхом о трехглазом не слыхивал!

От возмущения он подался вперед, невзначай задел коленом край гадательной крышки. Две или три фигурки упали, и та, щекастая, тоже. Иван тут же открыл глаза.

– Так что ты про трехглазого говорил? – допытывался сержант.

– Ничего не говорил, – произнес Иван обычным своим тенорком. – Другой тебе говорил. А теперь спать иди. Завтра рано встаем.

– Нет, ты мне сначала...

– Иди!!! – рявкнул Иван, аж стены чума задрожали.

Сержант пошагал к палатке, недовольный и раздосадованный. Другой... Ищи дураков, глядишь, и поверят... Все предсказатели жулики, и этот не лучше. Ладно хоть пророчил бесплатно...

Завалился в палатку, думал еще поточить нож, время было не позднее. Но едва оказался внутри, в сон потянуло со страшной силой... Приснилось сержанту четырехглазое чудище – гналось за ним по ночной тундре, но все никак не настигало. Здоровенное, но бесформенное какое-то, очертаний не разглядеть в сумраке, лишь четыре глаза светились, словно фары мобиля, – два слева, два справа, широко разнесенные.

Чудище что-то кричало вслед убегающему Багу, причем голосом Ивана, но ни слова было не понять, язык незнакомый... Не то действительно хотело помочь одолеть трехглазого монстра, не то сожрать наладилось.

Дурной сон. Хотя, если разобраться, явь здешняя ничуть не лучше...

4. Яволь, герр экселенц!

Глупо было рассчитывать, что глава ОКР и фактический диктатор России генерал-полковник Кравцов зайдется домой к отставному майору Дашкевичу, откроет отмычкой дверь и засядет в квартире, попивая чаек и терпеливо дожидаясь хозяина.

Я и не рассчитывал. И примерно представлял, что увижу, когда войду в гостиную.

Не ошибся... В гостях у меня кто-то побывал, сомнений нет, – пришел и ушел. Но, в отличие от большинства непрошенных и тайных визитов, хозяйского добра после этого посещения не убавилось. Напротив, меня можно было поздравить с прибытком – на столе появилось устройство, внешне напоминавшее минивизор седьмого поколения. Хотя я подозревал, что электронная начинка в штуковине куда сложнее, чем в стандартном минивизоре.

В любом случае именно этот прибор приветствовал меня голосом генерала Кравцова. На экране, соответственно, красовалось генеральское изображение анфас, – а на заднем плане виднелась обстановка генеральского кабинета.

– Не стой столбом, подключайся, – поторапливал генерал. – Кабель слева.

Тоненький и полупрозрачный проводок мудрено было заметить сразу, гостиную освещал лишь мерцающий экран. Я подключился – подсоединил провод к разъему «балалайки» – закрыл глаза и оказался в виртуальной реальности.

Для разговора генерал мог выбрать любую обстановку, хоть амазонскую сельву, хоть лунный кратер. Однако предпочел мою собственную гостиную, скопированную в точности, только не стоял на здешнем столе якобы минивизор, но в качестве компенсации мне был предложен виртуальный двойник генерала, удобно расположившийся в кресле. А еще комната оказалась хорошо освещена и идеально убрана, – нигде ни соринки, ни пылинки.

Интересно, остальные помещения квартиры тоже отсканированы? Смогу я, не покидая виртуальность, прогуляться на кухню? Я протянул левую руку, коснулся виртуальной спинки стула – пальцы ощутили реальную спинку в ожидаемой точке. На ощупь передвинул реальный стул – виртуальный тоже сместился, но с крохотной задержкой. В пространстве обе гостиных совпадали идеально, но во времени были несколько рассогласованы...

– Хватит баловаться, присаживайся и поговорим, – хмуро произнес виртуальный генерал.

Я присел. Генерал сидел напротив. Казалось, сейчас он достанет из кармана колоду и предложит перекинуться в картишки. Чем еще заняться главе ОКР под конец рабочего дня?

– Конечностями, как я понял, ты владеть научился, – заявил Кравцов полуутвердительно. – Чужие руки ломаешь, как спички.

Вот оно что... Может, зря я грешил на наводчиков, окопавшихся в собесе или соцбанке? Может, наводчик сидел в другой конторе?

– А руку, например, не сломать, а пожать без членовредительства сможешь?

Вместо ответа я открыл глаза и вновь оказался в своей реальной темной гостиной. Протянул руку, нащупал два ореха в стоявшей на столе вазе. Орехи самые обычные, собранные с лещины, в изобилии растущей в наших лесах. По совету врача из реабилитационного центра они служили мне тренажером для домашних упражнений.

Я раздавил двумя пальцами один орех, раздавил второй, – правой рукой, естественно. На блюдечко легли обломки скорлупы и абсолютно целые ядрышки. Сколько орехов превратились в труху, в кашу, пока я научился достигать такого результата, – не сосчитать.

– Угощайтесь, – предложил я генералу, вновь опустив веки. Не без издевки предложил, прямо скажем.

Виртуальные ядрышки появились на блюдечке с секундным опозданием, но все же появились.

– Благодарствую, сыт.

Возня с орехами дала время собраться с мыслями. Процесс сей не затянулся, поскольку мысль в голове бродила одна-единственная: за каким дьяволом генерал организовал свой виртуальный визит? Желает предложить должность в штабе? Ему это раз плюнуть. Один звонок – и эскулапы бегом соберут новую комиссию и установят, что физические кондиции бывшего майора Дашкевича позволяют означенному майору взбираться на Эльбрус и нырять на дно Марианской впадины, причем без акваланга. И военная служба ждет с нетерпением такого ценного кадра.

Но при подобном раскладе непонятно, к чему вся эта возня с установленной в моей квартире аппаратурой... Разговор наш, происходивший в виртуальной гостиной, подслушать никто не мог, – в отличие от гостиной реальной. Но не проще ли пригласить отставника Дашкевича в ОКР? Кабинеты там защищены от прослушки не менее надежно.

Получается, что генерала мой визит в ОКР не устраивал... Опять какие-то закулисные игры? Да какой из меня теперь игрок... Отыграл свое.

Новый вопрос Кравцова прервал мои попытки проанализировать ситуацию.

– Почему ты ходил сегодня в «Севзапразведку»?

Вот как... У меня появилось отчетливое желание послать куда-нибудь бывшее начальство... В пресловутую «Севзапразведку», например. Если уж генерал контролирует все мои телодвижения, то пусть сам выясняет – почему.

Но я сдержался. Решил: выслушаю все, что мне предложит его превосходительство. А он что-то предложит, сомнений нет. Выслушаю – и пошлю его далеко-далеко. Хватит, погеройствовал досыта – за висюльки на грудь и за биомеханические протезы... На штабной работе ничего мне не светит, кроме геморроя. Денег на операцию уж точно не заработаю в ближайшие полвека, даже если буду аккуратнейшим образом откладывать жалованье, не проживая ни рубля.

И я очень вежливо объяснил генералу:

– В СЗР я пытался устроиться на работу.

– Я не спрашивал, зачем ты туда ходил. Я спросил: почему? Не хватает пенсии? Она у тебя, со всеми твоими надбавками, не меньше оклада строевого полковника.

– Денег много не бывает, – вздохнул я. – Всегда хочется большего.

Не объяснять же генералу, какие огромные премии полагались в «Севзапразведке» участникам экспедиций за открытие новых нефтегазовых месторождений, порожденных Толчком. Огромные – потому что в наше время экспедиции крайне редко возвращаются с радостными известиями. Гораздо чаще не возвращаются вообще...

Но Кравцов и сам мог без труда сообразить, что я позабыл у геологоразведчиков, – один из немногих реальных шансов заработать необходимую мне сумму без явного криминала. И он сообразил. Или не стал утруждаться, просто имел полную информацию о моем визите.

– Нужны деньги на операцию? – блеснул дедукцией генерал.

– А что, при ОКР открылась касса взаимопомощи для отставников? – ответил я вопросом на вопрос.

Виртуальный генерал посмотрел на меня нехорошим взглядом. Спросил очень тихо, очень спокойно:

– Считаешь себя обиженным? Использованным и выброшенным за ненадобностью? А ты, случаем, не встречал других инвалидов-отставников? На инвалидных колясках? Записавшихся в очередь на протезы? На обычные протезы, не биомеханические?

Я не стал отвечать, сочтя вопросы риторическими. Возражать не хотелось. В чем-то генерал прав: если сравнить отставного майора Дашкевича с бесчисленным множеством прочих майоров, лишившихся на службе здоровья, а то и конечностей, – тогда конечно, грех обвинять ОКР и лично его главу в неблагодарности. Но я сравнивал себя не с калеками – с самим собой

годовой давности, до командировки на проклятый ледяной остров. И хорошо помнил, кто организовал мне эту командировочку. В такой же вот приватной беседе...

Кравцов помолчал. Затем, очевидно, решил, что я проникся достаточно и заговорил другим тоном, насквозь деловым:

– Фонд помощи отставникам при ОКР имеется, однако его устав не про тебя писан. Но все же помочь я могу...

Он замолк на самом интересном месте. Не иначе как мелкая генеральская месть за предложение отведать виртуальных орешков...

А отставной майор Дашкевич вдруг понял, какой он идиот.

Ведь прозвучал ясный намек на консилиуме, но я его проигнорировал... Лысый эскулап открытым текстом сказал: интересующие меня операции проводились не только в доступных (пусть и не для всех) клиниках. Но и в учреждениях засекреченных, в клиентах со стороны не нуждающихся, рекламу не публикующих... Кто сказал, что таких секретных заведений не было в России? А если были, то могли уцелеть. Тысячекилометровая полоса вдоль меридиана станции угодила в мертвую зону при Катаклизме и избежала разрушений.

Если в кармане генеральского кителя и в самом деле лежит такой большой пряник, я готов выслушать все предложения Кравцова. И принять. Могу даже исполнить должность дежурного офицера в генеральской приемной: затачивать карандаши его превосходительству, кофе горячий подавать... Но без интима.

Кравцов молчал, явно дожидаясь моего заинтересованного вопроса. И я спросил. Я не гордый. Иногда, при определенных обстоятельствах.

– Нет таких клиник в России, – покачал головой генерал. – Но есть возможность заработать на лечение в Цюрихе.

– Что надо делать?

– Принять участие в одной любопытной охоте... В том случае, если она успешно завершится, участники получают призовые – больше, чем платит СЗР за находку нефти.

– И началась самая увлекательная из охот, охота на человека... – процитировал я сам не помню кого. – Боюсь, что охотник на людей из меня теперь никудышный. Разве что опытом могу поделиться с молодыми и хваткими.

– Ты не понял. Охота настоящая. На крупного и опасного зверя. На уникального, можно сказать реликтового. И в крайне неблагоприятном регионе... Потому так высоки премии участникам.

– Я согласен. Что надо делать? Загонщик из меня аховый, но могу подносить патроны стрелкам-сахибам. Кто они, кстати?

– Не они – он.

И генерал поведал мне о последнем Великом Охотнике, решившем организовать последнее Большое Сафари в рушащемся и разваливающемся на куски мире.

5. Стоит в тундре теремок, он ни низок, ни высок

Сказав, что в город они пойдут, Иван не совсем точно обрисовал грядущее путешествие. Пешком шел в город лишь сержант, а его спутник ехал верхом на учаге. Причиной такой несправедливости стали ТТХ рогатой скотинки. Вернее, одна из ТТХ – малая грузоподъемность.

Северный олень – не лошадь, и на спину к нему не взгромоздишься, – хребет у животного сломается. И сидел Иван на холке своего учага так, чтобы основная нагрузка приходилась на передние ноги оленя. Багиров для такого способа езды не годился, слишком тяжел.

Даже Иван, весящий вдвое меньше, мог везти с собой лишь небольшой груз, а когда отправлялся верхом на родник с сорокалитровой флягой, то брал двух учагов и на второго выучил наполненную емкость. Он и Багирову предложил взять с собой выючного оленя, нагрузив его оружием и снаряжением сержанта, все-таки полегче шагать будет.

Баг поразмыслил – и отказался. Мало ли какие встречи по дороге случатся, если придется сразу в драку вступать, облачаться в тактический комплект будет некогда. Иван настаивать не стал. Он, возможно, тоже считался с вероятностью нежелательных встреч в пути, – прихватил с собой карабин. До сих пор сержант оружия серьезнее ножа у хозяина не видел.

Карабин, не иначе, справил свой столетний юбилей еще до появления на свет младенца, которому суждено было стать сержантом по прозвищу Баг. Где Иван раздобывает патроны к своей древней заслуженной машинке, Багиров не мог представить. Разве что сам отливает пули и снаряжает стреляные патроны по второму разу, и по третьему, и по четвертому... – гильзы раньше штамповали прочные, металла не жалели. Хотя можно жить и старыми запасами, стреляя пару раз в год по большим праздникам...

...Так и двигались: Багиров – бодрым походным шагом, рядом, не отставая и не обгоняя, трусил на своем рогатом иноходце Иван. Иногда он спешивался и вел учага в поводу, давал отдохнуть животине.

Разговаривали – а чем еще заняться долгой и скучной дорогой? – но толку от тех разговоров было немного. Сержант в основном расспрашивал о городе, Иван в основном отмалчивался или отвечал крайне уклончиво. Но одно сказал сразу, еще не покинув стоянку: в город он не пойдет, доведет туда Багирова, – и обратно. Нельзя ему туда. Плохое место.

Путь лежал по холмам, невысоким и очень пологим, но постепенно они становились выше и круче. Горы Бырранги нависали справа, снежные языки с их склонов за минувшие недели сошли, растаяли, – и выглядела горная страна еще мрачнее, чем раньше. Темная, безжизненная, ни следа горных лесов или альпийских лугов, – сплошь камень да камень. Неудивительно, что местный народ придумал легенду, что именно туда, в Быррангу, уходят души мертвых. Самое подходящее для мертвецов местечко...

В середине дня устроили привал, хорошенько отдохнули и подкрепились. Оказалось, что аборигены знают толк в сухом пайке – Иван выдал сержанту две непонятные палочки вроде пастилок: кушай, дескать, вот обед твой. Попробовав, сержант решил, что сделаны «пастилки» из мяса, завяленного досуха и перетертого в порошок, с добавлением ягод, высушенных и тоже перетертых. На вкус не очень, но сытные, силы неплохо подкрепили, – и в то же время никакой лишней тяжести в желудке, – хоть сейчас вставай и шагай дальше.

Багиров и пошагал бы, ему не терпелось попасть в город. Но Иван не позволил – учага беречь надо, пусть передохнет, ягель пощиплет. В результате отдых растянулся часа на полтора.

После привала натолкнулись на первый след цивилизации – с вершины холма Багиров углядел вроде как грунтовую дорогу, протянувшуюся вниз и постепенно забиравшую к северу, к горам. Удивился – Иван как-то говорил, что дорог в тундре нет, одни лишь направления. Даже зимой нарты след в след не ездят, зимник не накатывают. Почему? Так надо.

Их «направление» пересекалось с этой как бы дорогой, но, когда подошли вплотную, сержант понял: никакая это не грунтовка, одна машина проехала и один лишь раз. Гусеничная машина, и едва ли боевая, военных действий с применением бронетехники тут никогда не случилось. Вездеход на гусеничном ходу, скорее всего...

Причем давненько проехал, следы от траков исчезли, и две колеи превратились в две канавки, в низменных местах заполненные водой. Шрамы, оставленные гусеницами, тундровая растительность затягивает десятилетиями... Ранимая она, тундра.

Недаром для здешних и похожих мест в конце концов «Старателя» придумали – он и проходимость подходящую имеет, и своими колесами тундру не калечит, – они хоть и литые, но из мягкого пористого материала... Эх, ему бы, Багирову, сейчас один «Старатель», да с полными баками, да канистрами доверху загруженный... Махнул бы на Большую землю, не задумываясь, послав к шайтану плохой город и жителей его непонятных.

Мечты, мечты... Хотя с брошенного вездехода запчасти ведь не просто так свинчивали? По логике вещей детали забрали для других однотипных машин, еще действующих. Может, до сих пор осталось что-то в рабочем состоянии? И как раз в поселке, который Иван именует городом? И запас топлива в заначке имеется?

Шанс хилый, конечно. Но в то, что за ним прилетит помощь из России, сержант уже не верил. Даже чтобы отдать под трибунал за дезертирство – не прилетят. Самолету здесь сесть негде, а чтобы добраться вертолетом, надо последовательно оборудовать несколько промежуточных посадочных площадок, горючее на них завозить, и кому-то горючее охранять, поскольку хотя бы пара площадок окажется на землях, контролируемых (пусть и формально) сибирскими мятежниками... Слишком много чести для одного сержанта.

– Пришли, – сказал Иван и слез с ухага.

Баг не понял. Посмотрел вперед, по сторонам, никакого города не увидел... И поселка. И даже одинокого домика. Или тут в тундре юмор такой специфичный, или город откроется с вершины холма, до которой они самую малость не добрались, – а Иван просто бережется, опасается злых жителей злого города.

Правильным оказался второй вариант. Иван снял с ухага немудреную упряжь, отпустил пастись, взял на изготовку карабин – всю дорогу мирно висевший за спиной дулом вниз. К вершине они отправились пригнувшись, а последние двадцать метров – вообще ползком.

...По здешним меркам это и в самом деле был город: навскидку с полсотни домов живописно раскинулись по склонам двух ближних холмов... Причем несколько двухэтажных, а один аж в три этажа! И пусть смеются над таким «небоскребом» жители более теплых широт, избалованные многоэтажками. На здешней вечной мерзлоте три этажа – чудо невиданное и диво неслыханное...

Но беда не обошла чудо-городок стороной. Дома не просто раскинулись по холмам, многие еще и рассыпались, лежали грудями обломков... При нынешней сейсмоактивности неудивительно, наверняка случались тут землетрясения и пострашнее тех, что довелось ощутить сержанту за три недели...

Он зачем-то пересчитал уцелевшие дома. Оказалось их ровно двенадцать, дюжина. Впрочем, какие-то еще строения, целые или разрушенные, могли скрываться за складками местности.

Но вот что удивительно: сохранились здания самые большие, трехэтажный «небоскреб» в том числе... Изначальные размеры разрушенных домов определить было труднее, но Багирову показалось, что домишки небольшие – одноэтажные хижинки, не более того.

И еще какая-то странность имелась... Что-то не так, неправильно... А что именно – не понять. Он повернулся к Ивану, молча лежавшему неподалеку, но отвернулся, ничего не спросив... Ну его, заведет свою вечную песню: злой город, жить нельзя, место плохое, люди плохие...

Сержант снова стал рассматривать городок, пытаясь углядеть хоть какие-то признаки жизни. Ничего не увидел. Ни людей, ни оленей, ни собак, ни какой-либо еще животного. Ни единого дымка из труб... Хотя последний признак ничего не значит, время теплое...

Зато вращались ветряки на вершине холма, – несколько стандартных ВГД-500 на ажурных решетчатых фермах, неизвестно как выживших во всех катаклизмах. Или не выживших, а восстановленных... Ветрогенераторы, да еще и на ходу, – значит, электричеством он разживется, и не важно, остались в городе живые или нет.

Повеселев, сержант включил электронный бинокль, наплевав на экономию. Городок скачком приблизился, и сержант понял вдруг, что видит самое настоящее сокровище. В других местах почти ничего не стоящее, а здесь – несметное.

Разрушенные домишки лежали горами кирпича и бревен... Бревен! Багиров как-то поинтересовался, откуда аборигены берут древесину, если деревья здесь даже на кусты не тянут. Но каркас чума, нарты, имевшиеся на стоянке Ивана... Коля, в конце концов, из той ямы... Не из строевого леса сооружены, но из вполне приличных жердин. Неужели их аборигены возят издалека, с южного края тундры?

Иван поведал, что деревья здесь все-таки встречаются. Есть, дескать, заповедное местечко Арымас, растут там лиственницы, – невысокие, тугорослые, за полтора века вырастают с Багирова ростом. Зато древесина очень твердая и не гниет практически. Понятно, как дорожили местные этим единственным на сотни, даже тысячи верст лесочком...

А тут – просто залежи деловой древесины. И на вид бесхозной и никому не нужной... Неужели все аборигены, как один, не суются в «плохое место»?

Ладно, с сокровищем он разберется позже. А сейчас надо все-таки постараться разглядеть признаки присутствия горожан. Багиров выставил увеличение на максимум, начал рассматривать дома по отдельности, начиная с уцелевших, естественно.

Показалось или за одним окном действительно что-то мелькнуло? Еще раз мелькнуло... Есть живые... Он повернулся к Ивану, чтобы поделиться своим открытием, и...

Ивана рядом не было. И поодаль не было. Нигде не было...

Багиров отполз от гребня, затем, пригнувшись, сделал пару перебежек. Выпрямился, внимательно оглядел все вокруг. Ни Ивана, ни учага.

Вот ведь тундрук... Как сказал, так и сделал, привел и ушел, – но мог бы уж и попрощаться по-человечески... Но как он сумел столь быстро улизнуть? Вроде только что рядом лежал... Никак не должен был умахать за пределы видимости. Залег где-то рядом в ложбинке и учага своего уложил? Но за каким хреном?

Заинтригованный, сержант включил биодатчик. Иван тут же нашелся. Ну, или объект, примерно соответствующий ему массой... Рядом, метрах в восьмидесяти, за одним из боковых отрогов этого же холма. Один, без оленя. Наверное, животное щиплет свой ягель тоже в какой-нибудь ложинке, но за пределами зоны обнаружения.

Значит, не сбежал Иван, бросив Бага в одиночестве, разведывает что-то...

Обогнув отрог, Багиров понял – что.

Здание, бревенчатое, довольно обширное, но невысокое, приземистое, идеально вписанное в местность, только с одной стороны и можно увидеть. Багиров тут же залег, изготовился к стрельбе.

Сквозь толстые бревна датчик Ивана бы не нащупал, но оказалось, что абориген находится вплотную к строению, исследует его заднюю стену... Значит, непосредственной опасности нет. Напротив, выглядит бревенчатая халупа мирно, даже демонстративно мирно. Широкие двустворчатые двери призывно распахнуты, но проход внутрь перегораживала еще одна преграда – невысокий, по пояс, деревянный барьерчик. За ним виднелось обширное помещение, не пустое, чем-то заваленное, заставленное и загроможденное. Людей не видно. Над дверями – здоровенная вывеска, на вид новенькая, словно вчера нарисованная: **ΘΑΚΤΟΡΙЯ**.

Буквы ровные, рука у художника не дрожала, но с грамотностью дело обстояло не лучшим образом. Умудрился вклеить в одно слово сразу две ошибки: написал латинское «i» вместо русского «и», а с первой буквой вообще произошло что-то странное – завалилась набок и потеряла нижнюю часть палочки. Ниже буквами поменьше, латиницей: TRADING-POST.

Выглядела фактория просто, но при этом как-то... нарядно, что ли... гармонично выглядела.

Рассматривая ее, сержант понял, что за неправильность зацепила его при осмотре городка. Он ее сразу не смог сформулировать, просто отметил: что-то не так. А теперь сообразил: то же, что и здесь... Нарядность и гармония. Городок выглядел красиво, но при этом абсолютно нефункционально. Словно планировкой занимался талантливый архитектор, озабоченный лишь одним – наиболее живописно раскидать строения по склонам. А на все остальное неведомый архитектор плевать хотел. На длину кабелей, протянутых между домами, и прочих коммуникаций. И на то, например, как жители городка будут добираться из дома в дом зимой, в буран, при нулевой видимости...

И с факторией тот же подход чувствуется... Стоит красиво, спору нет. Живописно. Но от солнца большую часть дня закрыта, и на отопление с освещением гораздо больше энергии уходит. А зимой балочку снегом до краев заметет, по глубокой траншее к дверям ходить придется... И заново прокапывать ту траншею после каждого снегопада.

Обитатели живописного здания (если кто-то в нем обитал) никак себя не проявляли. Иван тоже затих у своей задней стены, как мышь под веником.

Сержант решил взять инициативу на себя. Не куковать же тут до темноты, все равно так или иначе входить в контакт с местными придется... Хорошо бы для начала не в огневой и не в рукопашный.

Он ползком сдвинулся влево, выйдя из сектора обстрела, и подобрался к дверям сбоку, в непростреливаемой зоне. Негромко окликнул:

– Эй, хозяйева! Есть кто дома?

Молчание.

Он искоса, не высовываясь, заглянул внутрь – и обомлел. Чего тут только не было! Со вбитых в низкие потолочные балки крюков свисали связки вяленой рыбы и связки шкур – прямо-таки искрящихся в лучах заходящего солнца. Громоздились штабеля ящиков, самых разных, с выжженными на боках надписями, один из ящиков был вскрыт, и виднелись в нем зарытые в стружку бутылки причудливой формы. В углу выстроились рядом несколько бочек – деревянных, стянутых обручами, сержант уж и не помнил, когда видел в последний раз такую тару, да и видел ли вообще в жизни, а не на экране?

Стена – та, что попадала в поле зрения, – густо увешана всяким добром: маслянисто поблескивающие капканы, большие и малые, и рыболовные сети, и связки металлической посуды, – но по ним Багиров скользнул равнодушным взглядом, его внимание первым делом привлекло оружие, висевшее здесь же. Много оружия, целый арсенал. Дробовики помповые и дробовики разламывающиеся; карабины – похожие на принадлежащий Ивану, но новенькие, в заводской смазке; еще какие-то длинностволы, сержанту незнакомые – судя по калибру, охотиться из них предполагалось на слонов. Что где-то здесь же, в ящиках, лежали боеприпасы ко всему этому огнестрельному богатству, Багиров не сомневался...

Мышеловка... Ловушка с небывало изобильной приманкой. Никогда бы хозяйева фактории не бросили такое сокровище, настезь распахнув двери. А если бы бросили, оно не залежалось бы...

Значит, его поджидают. Даже не его, скорее всего. Ловушка настрожена на наивных детей тундры – ошалеют от бесхозного изобилия, к дармовому спирту бросятся, тут их... Не стреляют, очевидно, заманивают внутрь и берут тепленькими...

Баг даже догадывался, где притаилась засада – во-он там они, голубчики, за перегородкой из бревен, наверняка отделяющей невеликое жилое помещение. Больше нигде. Иван молодец, подошел открыто, отвлек их внимание, – и после этого хозяева фактории за округой не наблюдали, затаились и ждут появления аборигена внутри...

Они не подозревают, что мышка к ним сейчас пожалует другая. Очень зубастая, способная и сыр съесть, и мышеловку на куски разнести. И еще об одной малости не подозревают – что пули «абакана» прошьют навывлет и бревна, и тех, кто за ними укрылся.

Сержант без разбега, с места, швырнул тело в дверной проем, над барьером, готовый еще в полете выпустить первую очередь.

И рухнул рядом с факторией.

Вскочил – ошарашенный, ничего не понимающий...

Внутри все оставалось по-прежнему. Он медленно поднял руку, попробовал просунуть ее в дверной проем – уже не опасаясь стрельбы и засады, уже догадываясь, в чем дело...

Пальцы уткнулись в невидимую преграду.

Багиров ударил ножом – нож отскочил, а вместе с ним отскочил небольшой фрагмент наблюдаемого внутри изобилия. Открылся какой-то пластик, грубый, ноздреватый. Неровный треугольник этого пластика словно налепили на большой пузатый бочонок... Сержант шагнул влево – треугольник сполз с бочонка, переполз на стену.

Фальшивка... Объемная декорация. Но как сделана! Видны пылинки, кружащиеся внутри в потоке света и кажется, что ощущаются запахи вяленой рыбы, оружейной смазки, смолистого дерева... Деревя? Он поковырял ножом ближайшее бревно сруба. Покрытие, до мельчайших пор имитирующее грубо ошкуренный древесный ствол, оказалось на удивление прочным, но все же подалось. Под ним – тот же ноздреватый пластик.

– Иван! – крикнул он устало и разочарованно. – Вылазь и растолкуй – что за хреномуть?

Иван молчал. Отметка его на экранчике оставалась неподвижной. Багиров с нехорошим предчувствием быстро обогнул факторию... Никого...

Он сделал несколько шагов в сторону, вновь взял пеленг – и, наконец, понял, в чем дело. Объект и вправду был у самой стенки, но – внутри, пластик не дерево, сканированию не мешает. И скорее всего, это вовсе не Иван... Тот, наверное, давно трусит на учаге к своей стоянке.

Задний фасад был оформлен с куда меньшей тщательностью – вблизи хорошо видно, что бревна фальшивые. Стену пересекали три тоненьких щелочки, складывающиеся в прямоугольник характерных размеров. Дверь, и настоящая. Хотя что-то настоящее в насквозь поддельном теремке...

Баг вмазал по ней ногой, вложив в удар всю злость и все разочарование. Дверь вдавилась внутрь на удивление легко. Похоже, ее уже разок вышибали, а затем кое-как поставили на место.

Чтобы обнаружить человека, засевшего в псевдофактории, биодатчик не требовался. Дышал человек так, что было слышно снаружи. Дышал, как загнанная лошадь. Или как затравленный борзыми заяц... Человек очень боялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.